

Дарья Сергеева

ЗДРАВСТВУЙ, ПАПА!

18+

Дарья Сергеева

Здравствуй, папа

<https://litres.ru/74013874>

SelfPub; 2026

Аннотация

Восьмилетний Оливер переезжает к отцу, которого никогда не видел. Освальду двадцать семь лет и он совершенно не умеет быть строгим. Вместо правил и расписания - забавные шутки, домашние блины и попытки найти общий язык с колючим мальчишкой, который только что потерял всё, что было ему дорого.

Оливер не доверяет этому странному, чересчур доброму человеку. Но жизнь в новом доме оказывается совсем не такой, как представлял Оливер. В холодильнике много вкусной еды и Освальд разрешает поиграть в его компьютер. Только спустя несколько дней Оливер начинает замечать за отцом странности, а в его дневнике много непонятных рисунков.

Оливер решает сам во всём разобраться. Но ответы которые он найдёт, окажутся совсем не такими, как он ожидал.

Потому что у отца есть тайна и эта тайна однажды ночью изменит всё...

Но самое страшное, что эти странности совпадают и с Оливером...

Дарья Сергеева

Здравствуй, папа

Сергеева Дарья

Здравствуй,
Папа

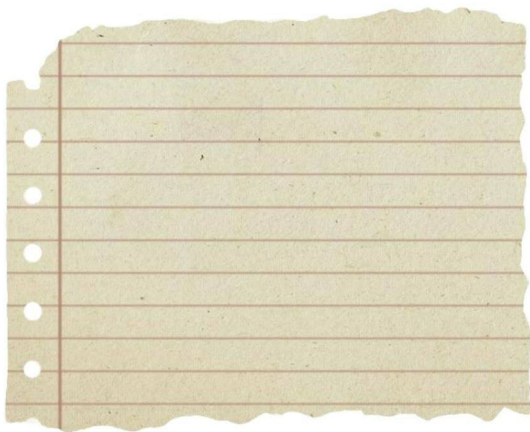

2026 г.

Аннотация

Восьмилетний Оливер переезжает к отцу, которого никогда не видел. Освальду двадцать семь и он совершенно не умеет быть строгим. Вместо правил и расписания – забавные шутки, домашние блины и попытки найти язык с колючим, который только что потерял всё, что было ему дорого.

Оливер не доверяет этому странному, чересчур доброму человеку. Но жизнь в новом доме оказывается совсем не такой, как представлял Оливер. В холодильнике много вкусной еды и Освальд разрешает поиграть в его компьютер. Только спустя несколько дней Оливер начинает замечать за отцом странности, а в его дневнике много непонятных рисунков. Оливер решает сам во всём разобраться. Но ответы, которые он найдёт, окажутся совсем не такими, как он ожидал. Потому что у отца есть тайна. И эта тайна однажды изменит всё.

Но самое страшное, что
эти странности совпадают
и с Оливером

Глава 1

Список и собачка

Он проснулся от собственного храпа.

Это было не в первый раз, и, судя по всему, не в последний. Освальд Джеймс Дейвис лежал на спине, раскинувшись на кровати так, будто пытался занять как можно больше места в этом мире, который никогда не был к нему щедр на пространство. Простыня сбилась в комок у ног, подушка наполовину съехала на пол.

За окном уже всюду светило солнце. Птицы орали как ненормальные, устроив, казалось, целый концерт специально под его окнами, а где-то на улице завелась газонокосилка с таким упорством, будто ее владелец поклялся уничтожить каждую травинку в округе.

— Ненавижу, — пробормотал Освальд в подушку.

Голос вышел хриплым, сонным, совершенно не убедительным даже для самого себя. Он перевернулся на бок, вытянул руку к тумбочке, нашарил телефон. Экран загорелся ослепительно-белым светом.

9:03.

Можно было бы поспать еще. Воскресенье, выходной, никто не ждет, никто не требует. Но он знал, что не уснет. Слишком много мыслей. Слишком много дел. Слишком много всего, что нужно сделать до того, как...

Освальд сел на кровати, потер лицо руками. Щетина за два дня отросла прилично — если побриться сейчас, будет выглядеть лет на семнадцать. Если не побриться, будет вы-

глядеть как бомж, который забыл, где живет. Он решил не бриться.

Он встал, прошел босиком по теплому полу, спустился вниз. Дом встретил его тишиной и запахом дерева — он был новый и уютный, только вот жил тут только один человек.

На кухне он включил кофеварку, купленную в тот же месяц, когда он въехал сюда. Достал из холодильника молоко, хлеб, масло. Тосты с маслом и черный кофе — стандартный завтрак человека, который не умеет готовить и не видит в этом смысла, когда готовит только для себя.

Он ел стоя, глядя в окно над раковиной. Задний двор, огороженный высоким деревянным забором, порос травой по пояс. Нужно было косить, но руки не доходили — все время казалось, что есть что-то более важное. В углу валялась старая крышка, которую он собирался выбросить еще в прошлом году. Деревянные качели, купленные в первый же месяц после переезда — для кого, он тогда не знал, просто казалось, что в доме с садом должны быть качели, иначе какой смысл в саде — сейчас стояли пустые, слегка покосившиеся, с облезшей краской.

Скоро здесь будет ребенок, подумал Освальд. *Мой ребенок.*

Он допил кофе, ополоснул чашку, поставил в сушилку. Пошел наверх.

Комната на втором этаже ждала.

Он остановился на пороге, упершись рукой в дверной ко-

сяк. Дверь была закрыта с тех пор, как он въехал сюда три года назад. Он специально выбрал дом с двумя спальнями наверху — одну себе, вторую... просто так. На будущее, которого он не был уверен, что дождетя. Иногда, проходя мимо, он замедлял шаг. Иногда — нет.

Освальд толкнул дверь. Та открылась с тихим скрипом, будто жаловалась на долгое заточение.

В комнате пахло пылью и старой краской. Стены были выкрашены в нейтральный бежевый — когда-то он думал, что это универсальный цвет, который подойдет всем и каждому. Теперь, в утреннем свете, казалось, что комната выглядит как больничная палата. Пустая, безлика, ожидающая кого-то, кто вдохнет в нее жизнь. Окно выходило на задний двор, и солнечные лучи падали на голый пол, на голые стены, на одинокий торшер в углу, который он купил в IKEA в тот же месяц, что и качели, и так и не собрал.

— Боже, — выдохнул Освальд, и эхо в пустой комнате прозвучало почти насмешливо. — Какая же это дыра.

Он вошел. Обошел комнату, трогая стены, подоконник, батарею. В углу обнаружилась паутина — маленькая, аккуратная, будто паук жил здесь давно и считал себя полноправным хозяином. На полу — пятно от краски, которое Освальд не заметил или не захотел замечать.

Ребенок не может жить в такой комнате, подумал он с внезапным, почти физическим ужасом. Ребенок захочет сбежать отсюда. Как я.

Мысль пришла некстати и ударила больно, прямо под дых. Он отогнал ее, но она не ушла, затаилась где-то в глубине, готовая вернуться в самый неподходящий момент.

Освальд вернулся на кухню за мусорными пакетами, тряпками, ведром. Переоделся в старые джинсы, в которых уже были дырки на коленях, и белую майку, измазанную краской еще с тех пор, как он пытался рисовать в гараже. Не получилось — как и многое в его жизни, что он начинал с надеждой, а заканчивал на полпути, потому что руки были не из того места или потому что вера кончалась быстрее, чем краска в тубике.

Он начал с пола.

Пыль поднялась столбом, и Освальд чихнул раз, другой, третий. Вытер нос тыльной стороной ладони, на которой осталась грязная полоса, и продолжил. Потом принялся за стены — протер влажной тряпкой там, где было грязно, заодно смахнул паутину вместе с пауком, который, видимо, считал этот угол своим домом.

— Извини, приятель, — пробормотал Освальд, глядя, как паук падает в ведро с мыльной водой. — У нас тут смена власти.

Потом были окна. Они открылись с трудом, заржавевшие петли заскрипели так, будто их пытали, но свежий воздух ворвался в комнату, и стало легче дышать. Легче, но не спокойнее. Окна тоже надо поменять.

Он вытащил торшер из угла, собрал его за десять минут

— инструкция была дурацкая, на плохом китайском английском, но он справился. Поставил у окна, включил. Свет падал на пустую стену, и Освальд вдруг понял, что стена слишком белая. Слишком пустая. Слишком много белого цвета для комнаты, где будет жить восьмилетний мальчик, который, возможно, любит яркие краски или, наоборот, тёмные — кто знает? Он не знал.

— Нужны картины, — сказал он вслух. — Или... что вешают в детских? Плакаты? Постеры с динозаврами?

Он не знал. Он вообще ничего не знал о детях. Ни о том, во что они играют, ни о том, что они едят, ни о том, как с ними разговаривать, чтобы они не плакали и не смотрели на тебя с таким выражением, будто ты пришелец с другой планеты.

Освальд постоял посреди комнаты, чувствуя себя чужим в собственном доме, и вдруг вспомнил про коробку.

Он спустился вниз, вышел на улицу, открыл багажник своей машины. Коробка лежала там уже три дня. Он не решился открыть её, хотя знал, что внутри. Каждый раз, подходя к машине, он делал вид, что коробки не существует. Что это просто ещё одна вещь, которую нужно выбросить, но руки не доходят.

Сегодня руки дошли.

Он взял коробку, поднялся наверх, сел на пол в ещё влажной комнате и открыл.

Школьный альбом. Первый класс. Маргарет прислала ме-

сяц назад без всякой записки — просто пакет в почтовом ящике. Освальд тогда полчаса простоял на пороге, не зная, радоваться или паниковать. В итоге сделал и то, и другое, а потом спрятал коробку в машину, потому что смотреть сразу было страшновато.

Теперь он открыл.

На первой странице — классная фотография. Тридцать детей в одинаковых синих жилетках. Кто-то улыбается, кто-то смотрит в сторону, кто-то явно мечтает, чтобы это все поскорее закончилось. Освальд сразу нашёл его — третья слева во втором ряду. Оливер.

Освальд склонил голову, разглядывая.

Каштановые волосы, прямые. Не кудрявые, как у него, и уж тем более не длинные по плечи. Глаза карие, но чуть светлее. Лицо серьёзное, губы сжаты в тонкую линию, будто он не то чтобы не хотел улыбаться, а просто не видел для этого причин. Смотрит прямо в камеру с выражением человека, который готов решать важные вопросы, но пока что ему предложили только сфотографироваться, так что ладно.

— Ну, — сказал Освальд, разглядывая сына. — Серьёзный какой. Сейчас лопнет от серьёзности.

Он перелистнул страницу. Индивидуальное фото. Оливер в той же синей жилетке, на фоне школьной стены с рисунками. Здесь он улыбался — чуть-чуть, едва заметно, будто не хотел, чтобы кто-то подумал, будто ему весело. В руках — красное яблоко.

— Яблоко, значит, — пробормотал Освальд. — Здоровое. Надеюсь, он его съел, а не просто для фото дали.

Он внимательно взгляделся в лицо. Мальчик как мальчик. Нормальный. Ничего особенного, ничего пугающего. Обычный ребёнок.

Хотя на фото все нормальные, подумал Освальд. А потом приезжаешь, а он там стены ломает, или в школе драки устраивает, или учителей не слушается...

Он нахмурился.

— А если он хулиган? — спросил он у пустой комнаты.

Комната не ответила. Она вообще была неразговорчивая.

Освальд представил: приезжает, открывает дверь, а там восьмилетний ребёнок, который за пять минут разнес половину дома. Или, хуже того, тихий и спокойный, а потом оказывается, что он просто ждал, пока отец уйдет на работу, чтобы устроить апокалипсис.

А вдруг он что-нибудь сломает? — мысль пришла неожиданно и застряла где-то в районе солнечного сплетения. — Ну, не специально, а просто... дети же ломают вещи. Или роняют. Или падают. А если он упадет? С лестницы? А если...

Освальд потер лицо рукой. Он чувствовал, как паника начинала подниматься из желудка. Все эти мысли, которые раньше были где-то на задворках, теперь вылезли наружу, потому что комната была почти готова, а это значит, что скоро — скоро — здесь будет реальный ребенок. Не фотогра-

фия. Не рассказы Маргарет. Живой.

А если у него какие-то отклонения? — пришла следующая мысль, еще более тревожная. — На фото вроде нормальный, но на фото все нормальные. А вдруг он не говорит? Или говорит, но непонятно? Или ему нужен специальный врач? Или...

— Стоп, — сказал он вслух. — Стоп-стоп-стоп.

Он посмотрел на фотографию. Оливер смотрел на него серьезными глазами. Руки в порядке, ноги в порядке, голова на месте. Улыбается нормально, хотя и не очень охотно. Дети всегда не очень охотно улыбаются на школьных фото, это нормально.

И что я себе напридумывал? — подумал Освальд с некоторым раздражением на самого себя. — Ребенок как ребенок. Маргарет бы написала, если бы что-то было не так. Наверное.

Он еще раз взгляделся в фотографию.

— Ух, какой серьезный, — повторил он, и в голосе прозвучало что-то вроде неловкой гордости. — Прямо министр иностранных дел. Сейчас указ подпишет, что клубнику на завтрак запретить.

Он улыбнулся собственной шутке. Потом заметил.

На правой руке Оливера, чуть выше запястья, — царапина. Тонкая, бледная, но видно.

Освальд перестал улыбаться.

— Уже, — сказал он тихо. — Ну, значит, не только хули-

ганство мне предстоит.

Он закрыл альбом, положил на пол. Посидел минуту, глядя на стену. Потом встал, взял альбом, прислонил к стене рядом с торшером. Отошел на шаг, прищурился.

— Так, — сказал он. — Комната. Надо думать, как нормальный человек, а не как псих, который придумал себе сто проблем из ничего.

— Так, — сказал он, обращаясь к пустой комнате, потому что говорить с самим собой вслух было привычкой, от которой он не собирался отказываться. — Комната. Нужно: кровать, стол, стул, шкаф. Постельное белье... какое? У детей какие цвета? Синий? Красный? Зеленый? Может, он любит фиолетовый?

Он начал ходить по комнате, прикидывая, куда что поставить, шагая от стены к стене, будто измерял пространство шагами.

— Кровать сюда, к стене, рядом с окном. Стол к кровати, чтобы свет падал с правой стороны — я помню, что так правильно, учительница в школе говорила. Шкаф в угол, рядом с дверью. И... — он остановился, посмотрел на альбом, прислоненный к стене, на лицо сына, который смотрел на него с глянцевого бумажки. — И это в шкаф.

Освальд вышел из комнаты, спустился вниз, нашел на кухне блокнот и ручку. Вернулся, и снова сел на пол — на только что вымытый пол, который все еще пах мылом и сыростью, — и начал писать.

Список для комнаты Оливера

Кровать. Односпальная, но не детская, с нормальным матрасом. Ему восемь лет, он уже большой. Наверное.

Матрас. Не слишком мягкий, чтобы не испортить спину, но и не жесткий, как в казарме. Нужно будет пощупать в магазине. Можно ли щупать матрасы в магазине? Наверное, да. Люди же щупают.

Постельное белье. Цвет? Спросить в магазине, что любят мальчики. Или купить нейтральное, синее или зеленое.

вдруг он любит красный? Красный — это мой любимый. Может, ему тоже понравится? Глупо. Он не обязан любить то же, что и я.

Стол письменный. С ящиками, чтобы складывал тетрадки. Или без ящиков? В моей школе у всех были столы с ящиками. Но это было давно. Может, сейчас другие столы.

Стул. Удобный, чтобы спина не болела, когда делает уроки. С регулировкой по высоте. У них сейчас такие бывают? Наверное.

Шкаф для одежды. Вместительный. У него наверняка много вещей. Или нет? Я не знаю. Маргарет не писала, сколько у него вещей.

Полка для книг. Дети читают? Он читает? Я в его возрасте читал все подряд, потому что в кладовке больше

было заняться. А у него была своя комната. Может, он не любит читать.

Настольная лампа. Чтобы не напрягал глаза вечером. У меня не было настольной лампы в детстве. Я хочу, чтобы у него была.

Шторы. Темные, плотные, чтобы утром солнце не будило раньше времени. Пусть спит сколько хочет. В выходные.

Ковер на пол. Чтобы не холодно было зимой. Пол деревянный, старый, щели есть. Ковер будет теплым.

Вешалки для одежды. Много. Детям нужно много вешалок? Я не знаю. Куплю штук двадцать, лишние не помешают.

Постеры? Картины? Что-то на стены, чтобы не было так пусто. Спрошу у него, что любит. Может, динозавров. Или космос. Или супергероев. Все мальчишки любят супергероев. Я любил.

гда был маленьким. Очень маленьким.

Альбом на стену. В рамочку. Хорошую.

Освальд посмотрел на список. Почесал затылок, оставляя на коже след от мокрой тряпки, которой вытирал пол.

— Это все? — спросил он пустую комнату. — Я ничего не забыл?

Комната молчала. В окно влетела муха, начала биться о стекло, пытаясь выбраться обратно на свободу. Освальд смотрел на нее, и ему казалось, что он понимает эту муху лучше, чем когда-либо понимал кого-либо из людей.

Он дописал внизу:

Подарок. Что-то, что ему понравится. Но я не знаю, что он любит. Придется угадать.

Он отложил ручку, вытер пот со лба. В комнате было жарко — окно открыто, но воздух стоял тяжелый, липкий, пропитанный запахом нагретой древесины и дорожной пыли. Июль. Самое время готовить дом для человека, которого ты никогда не видел.

Освальд подошел к окну, выглянул во двор. Качели. Покрышка. Трава по пояс. Забор, на котором краска облезла так, что дерево казалось седым.

— И двор, — добавил он в список, хотя понимал, что это уже не в список, а в какую-то другую, гораздо более страшную категорию. — Двор надо привести в порядок. Чтобы было где играть.

Он стоял у окна, смотрел на свой неухоженный сад, на покосившиеся качели, на траву, в которой, наверное, жили все кошки округа и еще несколько семейств енотов, и чувствовал, как страх поднимается из желудка в горло.

Он закрыл глаза. Вдохнул. Воздух пах пылью, травой и чем-то еще, неуловимым, похожим на надежду.

Выдохнул.

— Ничего, — сказал он вслух, и голос прозвучал тверже, чем он ожидал. — Научусь.

Он посмотрел на альбом, прислоненный к стене. На лицо

своего сына, который смотрел на него с глянцевого бумаги серьезными глазами, слишком взрослыми для семи лет, но такими родными, что у Освальда перехватило дыхание.

— Я научусь, — повторил он. — Обещаю.

Муха наконец нашла выход и вылетела в окно. Освальд остался в комнате один, стоял и смотрел на пустые стены, на пустой пол, на пустое пространство, которое скоро должно было заполниться чужим присутствием. Присутствием его сына.

Он не знал, что скажет, когда откроет дверь и увидит Оливера в первый раз. Не знал, протянет ли руку, или улыбнется, или просто замрет на месте, потому что слова кончатся быстрее, чем дыхание. Не знал, посмотрит ли на него этот серьезный мальчик с карими глазами с ненавистью, которой его научила бабушка, или с любопытством, или с равнодушием, которое бывает более ненависти. Он не знал ничего.

Но знал одно: комната будет готова. И двор. И его сердце, сколько бы оно ни болело, сколько бы ни сжималось от страха, будет открыто. Даже если Оливер откажется в него войти.

Освальд вздохнул, взял список, свернул его и сунул в карман джинсов. Нужно было ехать в магазин. Нужно было покупать кровать, матрас, стол, стул, шкаф, полку, лампу, шторы, ковер. Нужно было выбирать постельное белье, гадая, какой цвет любит мальчик, которого он никогда не видел. Нужно было купить подарок, угадав, что может понравиться ребенку, который, возможно, ненавидит своего отца еще до

того, как с ним познакомился.

Он вышел из комнаты, закрыл за собой дверь. На этот раз не запер. На этот раз дверь осталась приоткрытой, пропуская солнечный свет и воздух, и надежду, которая все еще жила где-то глубоко внутри, несмотря ни на что.

Внизу, на кухне, Освальд налил себе еще чашку кофе, хотя понимал, что кофеин только усилит дрожь в руках. Выпил залпом, обжигаясь, и поставил чашку в раковину.

На столе лежал телефон. Он взял его, открыл заметки, переписал список с бумажки, чтобы не потерять. Потом открыл карту, набрал в поиске: «магазин мебели Гринвуд». И замер.

Пальцы зависли над экраном. Что-то не пускало его дальше. Какой-то внутренний стопор, который включался каждый раз, когда он подходил слишком близко к тому, что было для него по-настоящему важным.

А вдруг он не захочет здесь жить? — подумал Освальд. А вдруг Маргарет захочет забрать его обратно? Хотя... она неизлечимо больна..

Он закрыл глаза. Сжал телефон в руке так, что побелели костяшки.

— Хватит, — сказал он себе. — Хватит.

Он открыл глаза, нажал на поиск. Поехал.

Магазин мебели находился в двадцати минутах езды, на другой стороне города. Освальд вел машину медленно, аккуратно, хотя внутри все кипело. Он не умел выбирать мебель. Он не умел обустраивать комнаты. Он не умел быть отцом.

Но он умел учиться.

Он парковался, заходил в магазин, ходил между рядами кроватей и столов, трогал матрасы, проверял, не слишком ли мягкие, не слишком ли жесткие, открывал ящики письменных столов, представляя, как Оливер будет складывать туда свои тетрадки, разглядывал стулья с регулировкой высоты, читал этикетки, сравнивал цены.

Продавщица подошла к нему минут через десять, когда он стоял посреди зала с потерянным видом и смотрел на два совершенно одинаковых, как ему казалось, матраса.

— Вам помочь? — спросила она.

Освальд поднял на нее глаза. Женщина лет пятидесяти, с добрым лицом и усталыми глазами человека, который каждый день отвечает на одни и те же вопросы.

— Мне нужна обставить комнату, — сказал он. — Для мальчика. Восьми лет. Я... я не знаю, что ему нужно.

Продавщица улыбнулась той улыбкой, которая появляется у людей, когда они видят перед собой растерянного отца, впервые покупающего мебель для ребенка.

— Для начала, — сказала она, — давайте выберем кровать.

Они выбирали долго. Освальд задавал глупые вопросы, которые, наверное, должны были его смущать, но он забыл о смущении, потому что это было важно. Когда машина была забита коробками и пакетами, а кредитная карта грелась от активного использования, Освальд сидел на водительском

сиденье и смотрел на чек. Сумма была приличной. Он мог бы потратить эти деньги на что-то другое. На себя. На свой комфорт. На виски, на орешки, на новую консоль или компьютер... Но потратил на ребёнка, которого даже не видел в живую.

Он свернул чек и сунул в карман, рядом со списком.

По пути домой он заехал в магазин игрушек. Стоял посреди зала, глядя на полки с конструкторами, машинками, роботами, настольными играми, и чувствовал себя полным идиотом.

Что дарят восьмилетним мальчикам? — думал он. — Что он любит? Что ему нужно? Что заставит его улыбнуться?

В голове была пустота. Он ничего не знал о своем сыне. Ничего, кроме того, что у того карие глаза и царапины на руках.

В итоге он купил три вещи: конструктор космического корабля, потому что ему самому в детстве хотелось такой; набор красок и альбом для рисования, потому что вдруг Оливер любит рисовать, как он сам когда-то любил; и мягкую игрушку — странного лохматого зверя, похожего на собаку, коричневого, с желтыми глазами.

Эту игрушку он выбрал последней. Увидел на полке и остановился, как вкопанный. Собака. Коричневая. С длинной шерстью и желтыми глазами.

— Это, — сказал он продавцу, показывая на игрушку. —

Это заверните.

Дома он разгружал машину, таскал коробки наверх, собирал кровать, прикручивал ножки к столу, вешал шторы, расстилал ковер. Руки болели, спина ныла, но он не мог остановиться. Не мог, пока комната не станет готовой. Настоящей. Живой.

Закончил он уже в сумерках.

Освальд стоял на пороге и смотрел.

Кровать стояла у стены, застеленная новым постельным бельем — он выбрал синее, с рисунком звезд, потому что звезды нравятся всем, верно? Стол у окна, на столе — настольная лампа, рядом — стул, который он проверил на прочность, усевшись сам, хотя вес у него был далеко не детский. Шкаф в углу, пустой, но готовый. Полка для книг на стене, пока пустая. Ковер на полу, мягкий, теплый. Шторы, темно-синие, плотные, закрывающие окно от утреннего света.

На стене, над столом, висела рамка со школьной фотографией. Оливер смотрел на комнату серьезными глазами, с яблоком в руках, и улыбался чуть-чуть, уголками губ.

На кровати сидел коричневый лохматый пес с желтыми глазами. Рядом с ним — коробка с конструктором и набор красок.

Освальд смотрел на эту комнату, на эту кровать, на эту игрушку, на лицо своего сына на стене, и чувствовал, как что-то подступает к горлу. Он стоял на пороге комнаты, которую

обустроил для сына, которого никогда не видел, и знал: он сделал все, что мог. А что не смог — научиться. Обязательно научиться.

За окном темнело. Где-то вдалеке лаяла собака.

Он шагнул в комнату, взял со стола список, посмотрел на него. Каждая строчка была вычеркнута, кроме последней.

14. Подарок. Что-то, что ему понравится.

Он посмотрел на коричневую собаку на кровати. Потом на альбом с красками.

— Надеюсь, тебе понравится, — сказал он тихо, обращаясь к фотографии на стене.

Оливер не ответил. Он просто смотрел с бумаги, серьезный, с яблоком в руках, и улыбался чуть-чуть, будто знал что-то, чего Освальд еще не понимал.

Освальд вышел из комнаты, закрыл за собой дверь.

Теперь виски и орешки.

Здравствуй, папа

Освальд ждал на крыльце, когда из такси выйдет мальчик.

Он видел его на фотографии. Серьезное лицо, яблоко в руках, школьная форма. Нормальный такой мальчик. Спокойный. Хороший.

Из такси вылезло нечто.

Маленькое. Очень маленькое. Освальд смотрел на это создание, пытаясь сопоставить цифру "сто тридцать два сантиметра" с реальностью. Это же вообще ничего. Игрушечное. Кукла какая-то.

Неужели вот мой ребенок? — подумал Освальд. — *Такой мелкий?*

Оливер вылез из такси с рюкзаком за спиной. Огляделся. Посмотрел на дом. Потом на Освальда. Взгляд был такой, будто он оценивал, сколько этот дом может стоить на рынке и стоит ли вообще тут оставаться.

— Здравствуй, — сказал Освальд, спускаясь с крыльца. — Я Освальд. Твой...

— Знаю, — сказал Оливер. — Бабушка говорила.

И пошел к дому. Даже не поздоровался нормально. Просто прошел мимо, как будто Освальд был столбом или деревом, которое случайно оказалось на пути.

— А рюкзак? — спросил Освальд, глядя, как мальчик взбегает на крыльцо.

— Сам донесу, — бросил Оливер через плечо. — Я не маленький.

Освальд открыл рот, закрыл. Сто тридцать два сантиметра. Рюкзак почти с него ростом. И "не маленький".

— Ладно, — сказал он себе под нос. — Нормально. Все нормально.

Он открыл дверь, пропуская Оливера вперед. Мальчик вошел в прихожую, огляделся.

— Обувь снимать? — спросил он тоном, который означал "я и так знаю, что снимать, но проверяю, какой ты дурак".

— А? Да, если хочешь. Я обычно...

Оливер уже снимал кеды. Поставил их аккуратно у стены, ровно, носками к выходу. Посмотрел на кроссовки Освальда, которые валялись как попало, и хмыкнул.

— Ну, — сказал Освальд, чувствуя себя каким-то неуклюжим гигантом в собственном коридоре. — Покажу тебе дом.

— Показывайте, — сказал Оливер. И пошел вперед, как будто это он тут хозяин.

Они зашли на кухню.

— Это кухня, — сказал Освальд. — Тут готовим, едим, завтракаем. Я купил йогурты, сок, молоко, яблоки...

— Яблоки не люблю, — сказал Оливер, даже не глядя на холодильник.

— А на фото ты с...

— Бабушка заставила. Сказала, что с яблоком лучше выгляжу.

Освальд моргнул.

— Ну, тогда... что ты любишь?

— Виноград. Зеленый.

— Хорошо. Я куплю.

— Я не просил, — сказал Оливер. — Вы спросили, я ответил.

И вышел из кухни, даже не дав Освальду сказать, что, может быть, он хотел бы предложить ребенку сесть, отдохнуть с дороги, выпить сока.

Освальд пошел за ним, чувствуя, как где-то внутри начинает закипать раздражение.

Восемь лет, — подумал он. — Восемь лет, а уже такой... такой борзый.

В гостиной Оливер остановился посреди комнаты. Оглядел диван, телевизор, журнальный столик. На столике лежала пустая кружка, которую Освальд забыл убрать после утреннего кофе.

— Это гостиная, — сказал Освальд. — Тут отдыхаем, смотрим телевизор. Можешь смотреть что хочешь, я...

— У бабушки была своя комната, — сказал Оливер. — Я там смотрел. А здесь общая?

— Ну да. Но ты можешь смотреть, когда захочешь, я не...

— А если вы захотите смотреть другое?

— Договоримся.

— А если не договоримся?

Освальд посмотрел на сына. Сто тридцать два сантиметра. Серьезное лицо. Глаза — чуть светлее, чем у него, но смот-

рят так, будто они тут главный.

— Договоримся, — повторил Освальд, стараясь, чтобы голос звучал спокойно. — Я умею договариваться.

Оливер хмыкнул. Не сказал "да", не сказал "нет". Просто хмыкнул, как будто услышал что-то очень сомнительное, и пошел дальше.

— Гараж покажете?

— А, да. Идем.

Освальд открыл дверь в гараж. Там было просторно. Новая машина, которую он купил месяц назад, думая, что старая "Тойота" для двоих будет маловата. Стеллажи с инструментами. Велосипед в углу.

— Машина новая, — сказал Освальд. — Безопасная. Я специально выбирал.

Оливер прошел вдоль машины, даже не посмотрев на нее нормально. Остановился у велосипеда.

— Это кому?

— Тебе. Думал, может, захочешь кататься. Во дворе можно, там забор...

— Я умею кататься, — сказал Оливер. — Бабушка научила.

— Отлично. Тогда можешь...

— Она в коме, — сказал Оливер. — Из-за вас.

Освальд замер. Слова повисли в воздухе, тяжелые, липкие.

— Оливер, я...

— Показывайте дальше, — сказал мальчик и вышел из гаража.

Освальд постоял секунду, глядя на велосипед. Потом вышел следом. Оливер уже ждал в коридоре, прислонившись к стене, с видом человека, который делает одолжение, что вообще здесь находится.

— Двор хочешь посмотреть? — спросил Освальд. Голос прозвучал тише, чем хотелось.

— Показывайте.

Он провел его через кухню к задней двери. Открыл.

Двор был ухоженным — Освальд потратил две недели, чтобы привести его в порядок. Трава подстрижена, качели покрашены, забор новый. В углу — столик со скамейкой.

Оливер вышел на крыльцо, огляделся.

— Качели, — сказал Освальд. — Я починил. Они старые, но крепкие.

— Я не качаюсь, — сказал Оливер.

— Ну, иногда можно...

— Я сказал, не качаюсь.

Освальд сжал челюсть.

Восемь лет, — подумал он. — Сопли еще жевать должен, а уже командует.

Оливер прошелся по двору, дошел до забора, посмотрел на соседский участок. Вернулся.

— Все?

— Нет. Еще второй этаж. Твоя комната.

Оливер поднял бровь. Это был такой жест, который Освальд не ожидал увидеть у восьмилетнего ребенка.

— Моя?

— Ну да. Я подготовил.

Освальд повел его наверх. Лестница скрипела. Оливер шел сзади, и Освальд чувствовал спиной этот оценивающий взгляд.

На втором этаже он показал ванную.

— Это ванная. Полотенца в шкафчике. Голубые — твои, белые — мои. Я подписал, чтобы не перепутать.

Оливер заглянул. Кивнул. Ни "спасибо", ни "хорошо". Просто кивнул, как будто так и должно быть.

— Это моя комната, — Освальд открыл дверь в спальню. — Если что-то ночью понадобится, стучи. Я быстро просыпаюсь.

Оливер заглянул, окинул взглядом кровать, комод, компьютер. Ничего не сказал.

— А теперь твоя.

Освальд открыл дверь в комнату, которую готовил две недели. Отошел в сторону, пропуская Оливера вперед.

Комната была готова. Синее постельное белье со звездами, стол у окна с лампой, шкаф, ковер, шторы. На стене — школьная фотография в рамке. На полке — конструктор и краски. На кровати — коричневый лохматый пес с желтыми глазами.

Оливер вошел. Остановился. Молчал.

Освальд ждал. Ну хоть что-то скажет. Хоть "нормально". Хоть "угу". Хоть плюнет для разнообразия.

— Фотография, — сказал Оливер.

— А, да. Бабушка прислала альбом. Я подумал...

— Зачем?

— Ну... чтобы помнил. Школу...

— У меня нет друзей, — сказал Оливер. — Бабушка говорила, что я странный.

Освальд открыл рот, но не успел ничего сказать. Оливер уже смотрел на игрушку.

— Это что?

Освальд посмотрел на собачку. И тут его осенило.

Он же ребенок, — подумал Освальд. — Ему восемь лет. Он маленький. С ним надо играть. Надо показать, что я свой, что я веселый, что со мной интересно.

Он шагнул вперед, схватил собачку, поднял ее.

— Смотри, кто у меня есть! — сказал он бодрым, почти мультяшным голосом. — Это тебе! Смотри, какая!

Он помахал собачкой, заставив ее лапку двигаться, будто она машет.

— Привет! — сказал он писклявым голосом, изображая собаку. — Я твой новый друг! Давай дружить!

Оливер смотрел на это представление.

Лицо у него было такое, будто он увидел что-то очень противное. Губы сжались, брови сошлись к переносице.

Освальд продолжал махать собачкой, чувствуя, что что-то

идет не так, но не понимая, что именно.

— Ну как? — спросил он уже своим голосом. — Нравится?

Оливер молчал. Потом медленно подошел.

Освальд смотрел на него с надеждой. Ну, может, он просто стеснительный. Может, сейчас возьмет игрушку, и все будет хорошо. Дети любят игрушки. Все дети любят игрушки. Даже такие... такие...

Оливер подошел вплотную. Посмотрел на собачку. Посмотрел на Освальда. И с силой ударил его по рукам.

— Ай! — Освальд выпустил игрушку.

Собачка упала на пол. Оливер посмотрел на нее, потом снова на Освальда. И улыбнулся. Не той улыбкой, которую Освальд ждал. А такой... гадкой. Довольной.

И побежал.

Освальд стоял посреди комнаты с мокрыми от удара руками, глядя, как его сын — его маленький, игрушечный сын, который только что приехал, — выбегает в коридор, пробегает пару метров, останавливается и оборачивается.

— Медленно, — сказал Оливер. — Вы очень медленно соображаете.

И засмеялся. Коротко, отрывисто. И скрылся за углом.

Освальд стоял, глядя на пустой коридор.

Собачка валялась на полу, лапка задралась к потолку, желтые глаза смотрели в никуда.

— Я... — начал Освальд. И замолчал.

Кровь прилила к лицу. Не от обиды. От бешенства.

Что за... — думал он, сжимая кулаки. — Что за...

Он нагнулся, поднял собачку. Отряхнул. Поставил на кровать.

Вышел в коридор. Оливер стоял в конце коридора, у лестницы, и смотрел на него. Спокойно. С интересом. Как будто ждал, что будет дальше.

— Ты, — сказал Освальд. Голос прозвучал глухо. — Ты что себе позволяешь?

— А что я сделал? — спросил Оливер. И в голосе не было ни капли раскаяния. Только искреннее любопытство.

— Ты ударил меня по рукам!

— Я игрушку убрал, — сказал Оливер. — Она на дороге лежала. Вы могли споткнуться.

Освальд открыл рот. Закрыл.

— Ты... ты...

— Я пойду посмотрю двор еще раз, — сказал Оливер. — Можно?

Не дожидаясь ответа, он развернулся и побежал вниз по лестнице. Топ-топ-топ — маленькие ноги по деревянным ступенькам.

Освальд остался стоять в коридоре.

Он смотрел на пустую лестницу, слушал, как внизу открывается дверь на задний двор, и чувствовал, как внутри все кипит.

Восемь лет, — думал он. — Восемь лет, сопли еще же-

вать должен, а уже такой... такой гадкий. Противный. Борзый.

Он спустился вниз. Выглянул в окно.

Оливер стоял посреди двора, задрал голову к небу. Наверное, на самолет смотрел. Или на птицу. Или просто делал вид, что он тут главный, что весь этот дом, весь этот двор, все эти качели — его территория.

Маленький, — думал Освальд, глядя на него. — Игрушечный. Сто тридцать два сантиметра. А туда же. Грубит. Огрызается. Руками машет.

Он отошел от окна. Прошел на кухню. Налил себе воды. Выпил.

На столе лежал список, который он составлял, когда готовил комнату. «Кровать, стол, стул, ковер, шторы, наклейки на углы».

— Наклейки на углы, — сказал Освальд вслух. — Чтобы не ударился. А он меня по рукам бьет. Спасибо, конечно.

Он сел за стол. Положил голову на руки.

За окном послышалось:

— Качели скрипят! — голос Оливера. Громкий, требовательный. — Вы говорили, что починили! А они скрипят!

Освальд закрыл глаза.

— Я сейчас, — сказал он. И не понял, кому — себе или этому маленькому гадкому созданию, которое уже успело за пять минут выбесить его больше, чем кто-либо за последние десять лет.

Он встал. Пошел во двор.

Оливер стоял у качелей, уперев руки в бока. Поза была такая, будто он сейчас начнет выписывать штраф.

— Скрипят, — повторил он, когда Освальд вышел.

— Я слышу.

— Вы говорили, что починили.

— Я говорил, что они крепкие, — сказал Освальд, подходя. — Я не говорил, что они не скрипят.

— А надо было починить, чтобы не скрипели, — сказал Оливер. — Я не могу качаться, если они скрипят.

— Ты же сказал, что не качаешься, — напомнил Освальд.

Оливер посмотрел на него. На секунду в глазах мелькнуло что-то вроде растерянности. Но только на секунду.

— Я передумал, — сказал он. — Почините.

И пошел к дому. Не спросил, не попросил. Просто сказал "почините" и ушел.

Освальд стоял у качелей, смотрел вслед этому маленькому, наглому, невыносимому созданию, и чувствовал, как в груди поднимается волна злости.

Противный, — думал он. — Гадкий. Как же он меня бесит.

Он толкнул качели. Те скрипнули, качнулись.

— Почините, — передразнил он тонким голосом. — Скажите пожалуйста.

Качели скрипнули еще раз, будто соглашаясь.

Освальд посмотрел на окно на втором этаже, где за сини-

ми шторами, наверное, уже обустроивался этот маленький монстр, который приехал, чтобы сделать его жизнь невыносимой.

Сто тридцать два сантиметра, — подумал Освальд. — Игрушечный. А характер — как у танка.

Он вздохнул. Пошел в гараж за маслом для качелей.

В окне на втором этаже мелькнула маленькая фигурка. Оливер выглянул, посмотрел, как Освальд идет в гараж, и скрылся за шторой.

Освальд остановился. Посмотрел на окно. Потом на качели. Потом снова на окно.

— Ничего, — сказал он себе. — Ничего. Я тебя пересижу.

Он зашел в гараж, взял масло, вышел. Подошел к качелям, наклонился.

В окне снова мелькнула фигурка.

Освальд смазывал цепи, чувствуя на себе взгляд. Маленький, наглый, гадкий взгляд.

— Смотри, смотри, — пробормотал он. — Налюбоваться не можешь.

Качели перестали скрипеть.

Освальд выпрямился, отряхнул руки. Посмотрел на окно. Штора колыхнулась — кто-то быстро отодвинулся.

Освальд усмехнулся.

— То-то, — сказал он.

И пошел в дом, думая о том, что этот день еще не закончился, а он уже устал больше, чем за весь прошлый месяц.

Восемь лет, — вертелось в голове. — Восемь лет. А ведет себя как... как...

Слова не находились. Потому что таких слов, наверное, еще не придумали.

Освальд закрыл дверь, прошел на кухню, сел за стол.

Наверху, в комнате с синими шторами, его сын, которого он ждал две недели, для которого готовил комнату, покупал кровать, выбирал постельное белье, вешал шторы, — этот сын, наверное, уже разложил вещи, уже осмотрел все углы, уже составил план, как сделать жизнь своего отца максимально некомфортной.

Освальд посмотрел на потолок.

— Противный, — сказал он. — Гадкий. Маленький сорванец.

И вдруг улыбнулся. Сам не заметил как.

— Мой, — добавил он тихо.

И пошел наверх, проверять, не надо ли этому маленькому сорванцу помочь с вещами.

Оливер закрыл дверь и прислонился к ней спиной.

Комната была... нормальная. Кровать, стол, шкаф. Ковер, шторы. На стене — его фотография. На полке — конструктор и краски. На кровати — дурацкий пес с желтыми глазами.

Оливер прошелся по комнате. Открыл шкаф. Пусто. Вешалки. Много. Закрыл. Подошел к столу. Открыл ящик. Пусто. Открыл другой. Тоже пусто.

Он взял краски. Акварель. Кисточки. Альбом. Нормальные, не дешевые. Он провел пальцем по обложке, потом отложил.

Подошел к окну. Раздвинул шторы. Двор. Качели. Стол. Забор. Ничего интересного.

Оливер сел за стол. Открыл альбом. Белый лист. Чистый.

Он взял кисточку, намочил, макнул в синюю краску. Замер. Потом провел по бумаге. Синяя полоса. Кривая.

Он смотрел на нее секунду. Потом бросил кисточку. Краска брызнула на стол, на альбом. Оливер посмотрел на синее пятно на пальце, потом на кривую полосу.

— Глупость, — сказал он.

Закрыв альбом. Отодвинул краски.

Лег на кровать, поверх одеяла. Смотрел в потолок. Потом перевернулся на бок, лицом к стене. Собака с желтыми глазами сидела рядом на подушке. Оливер посмотрел на нее. Взял, отодвинул на край кровати.

— Не лезь, — сказал он.

Собака не ответила.

Оливер закрыл глаза.

Освальд поднялся наверх около девяти.

Фильм кончился, кофе выпит, делать нечего. Он постоял в коридоре, глядя на закрытую дверь. Потом открыл.

— Входя, надо стучать, — сказал Оливер с кровати. Не оборачиваясь.

— Это мой дом, — сказал Освальд. — Я могу входить без стука.

— Тогда я могу не отвечать.

Освальд усмехнулся.

— Ну и не отвечай. Я просто хотел сказать, что ужин готов. Если хочешь есть — спускайся.

Он уже собирался выйти, когда заметил на столе альбом с разводами синей краски. И кисточку, которая упала на пол.

— Рисовал?

— Нет.

— А краски зачем открывал?

— Просто так.

Освальд подошел к столу, поднял кисточку, положил на место.

— Если рисуешь — мой кисточки. А то засохнет.

— Я не просил вас учить, — сказал Оливер. — И вообще, выходите. Я хочу спать.

Освальд посмотрел на сына. Тот лежал лицом к стене, свернувшись калачиком. Маленький, под одеялом почти не видно.

— Ладно, — сказал Освальд. — Спи.

Он вышел, прикрыл дверь.

Через час он снова поднялся. Просто проверить, все ли в порядке.

Дверь была закрыта. Он открыл.

— Я сплю, — сказал Оливер с кровати.

— Не похоже.

— А я сплю. Уйдите.

Освальд шагнул в комнату.

— Ты не ужинал, — сказал он. — Я оставил еду на кухне, если...

— Я не хочу есть.

— Ты с дороги ничего не ел. Это глупо.

— Я сказал, не хочу! — Оливер сел на кровати, злой, взъерошенный. — Что вам надо? Я сплю! Уходите!

Освальд чувствовал, как раздражение начинает подниматься.

— Слушай, маленький, — сказал он, подходя ближе. — Ты сейчас в моем доме. Я твой отец. И я хочу, чтобы ты поел. Это не обсуждается.

— Вы не мой отец! — выкрикнул Оливер.

— А кто? — Освальд остановился у кровати. — Кто, по-твоему, купил эту кровать? Кто готовил эту комнату две недели? Кто купил краски, конструктор, игрушки? Дед Мороз?

— Я вас не просил!

— А я и не ждал, что ты попросишь. Я сделал это, потому что ты мой сын. Понял? Мой.

Он протянул руку, чтобы взять Оливера за плечо. Просто чтобы привлечь внимание. Чтобы этот маленький наглец наконец посмотрел на него нормально.

Оливер дернулся. А потом — быстро, зло, по-звериному — вцепился зубами ему в руку.

— Ай! — Освальд отдернул руку. На предплечье остались красные следы, уже начинающие синеть. — Ты что, бешеный?!

Оливер отскочил к изголовью кровати, тяжело дыша. Глаза блестели. Руки дрожали. Смотрел с вызовом.

— Не трогайте меня! Не смейте меня трогать!

Освальд посмотрел на укус. Потом на сына.

— Ну ты и гад, — сказал он спокойно. — Маленький гад.

Оливер сжался.

Освальд хотел что-то сказать, но взгляд упал на собачку. Коричневый лохматый пес с желтыми глазами сидел на краю кровати, брошенный, отодвинутый к стенке.

Освальд взял игрушку.

— Отдайте! — сказал Оливер.

— Зачем она тебе? — Освальд поднял собачку, отряхнул.

— Ты же ее даже не взял. Бросил вон.

— Я не бросал!

— А что сделал? Отодвинул. Как ненужную.

Освальд посмотрел на игрушку, потом на сына.

— Знаешь что, — сказал он. — Она на тебя обиделась.

Оливер нахмурился.

— Игрушки не обижаются.

— Еще как обижаются, — сказал Освальд. — Особенно когда их бросают и не играют с ними. Она же для тебя, по-

нимаешь? Я ее выбирал. Думал, понравится.

Он поднес собачку к лицу, сделал вид, что она смотрит на Оливера.

— Смотри, какая она. Мягкая. Добрая. А ты ее отодвинул, даже не посмотрел.

Оливер скрестил руки на груди.

— Вы как маленький, — сказал он. — Игрушки не живые.

— Для меня живые, — сказал Освальд. — Я в нее душу вложил, когда выбирал.

Он помахал собачкой, заставив ее лапку двигаться.

— Ну что, поиграем? — спросил он писклявым голосом, изображая собаку. — Давай дружить! Я хороший, я кусаться не буду!

Оливер смотрел на это представление с таким лицом, будто ему предложили съесть что-то очень противное.

— Вы идиот, — сказал он.

Освальд перестал махать игрушкой.

— Что?

— Идиот, — повторил Оливер. — Взрослый мужик, а с игрушками разговаривает. Думает, что я маленький, что меня можно купить собачкой и красками. Не нужны мне ваши игрушки. И вы мне не нужны.

Освальд опустил руку с собакой.

— Серьезно? — спросил он. — Совсем не нужен?

— Совсем, — сказал Оливер. — Я хочу к бабушке. А вы... вы никто. Просто человек, из-за которого я появился на свет.

И все.

Он отвернулся к стене, показывая, что разговор окончен.

Освальд стоял посреди комнаты. Сжимал в руке собачку. Смотрел на спину сына — маленькую, напряженную, враждебную.

Восемь лет, — думал он. — Восемь лет, а уже такой... такой колючий. Как дикобраз. Слова сказать нельзя — сразу иголки в ход.

Он посмотрел на собачку. Та смотрела на него желтыми глазами, мягкая, беззащитная.

— Ну что, — сказал Освальд тихо, обращаясь к игрушке. — Не нужны мы ему.

Он поднес собачку к лицу, прижал к щеке. Мягкая. Теплая. Хорошая.

— Ничего, — сказал он. — Я с тобой поиграю.

Оливер дернулся на кровати, но не обернулся.

Освальд обнял собачку, прижал к груди. Посмотрел на сына.

— Знаешь что, Оливер, — сказал он. — Ты бездушный маленький вредный мальчик. Я тебе душу отдал, комнату готовил, игрушки выбирал, а ты... ты даже спасибо не сказал. Только огрызаешься и кусаешься.

Оливер молчал. Но плечи у него напряглись еще сильнее.

— Ты обидел эту собачку, — продолжил Освальд. — Она хотела с тобой дружить, а ты ее отодвинул. Как ненужную вещь. Как меня.

Он покачал собачку, укачивая, как маленького ребенка.

— Ничего, — сказал он мягко. — Я с тобой буду дружить.

Правда. Мы с тобой найдем общий язык. А этому вредному мальчику... ну, может, он когда-нибудь поймет, что обижать тех, кто тебя любит — это глупо.

Оливер резко сел на кровати.

— Я не обижал! — сказал он. Голос дрогнул.

— А что ты сделал? — спросил Освальд. — Укусил? Обозвал? Игрушку бросил? Это не обида?

— Я не... — Оливер замолчал. Посмотрел на собачку, которую Освальд держал в руках. Взгляд стал другим — не злым, не наглым. Что-то мелькнуло в глазах, что-то, похожее на... растерянность? Жалость?

— Отдайте, — сказал он тихо.

— Зачем? — спросил Освальд. — Ты же сказал, не нужна.

— Отдайте!

— Нет, — сказал Освальд. — Ты ее обидел. Она теперь со мной будет жить.

Он развернулся и пошел к выходу.

— Стойте! — крикнул Оливер.

Освальд обернулся. Оливер стоял на кровати, взъерошенный, глаза блестят. Но не от злости. По-другому.

— Отдайте, — повторил он. И голос его вдруг стал совсем детским, не таким, как раньше.

Освальд посмотрел на него. На маленького, растрепанного, с дрожащими губами. Сто тридцать два сантиметра. Ре-

бенок. Просто ребенок.

— Зачем она тебе? — спросил он мягче.

— Просто... — Оливер замолчал. Сжал кулаки. — Просто отдайте.

— Скажи, зачем.

Оливер молчал. Смотрел на собачку. На ее желтые глаза, на мягкую коричневую шерсть. Потом перевел взгляд на Освальда.

— Она... — начал он. И замолчал.

Освальд ждал.

— Она как... — Оливер сглотнул. — Она как будто... живая.

Освальд поднял бровь.

— Ты же сказал, игрушки не живые.

— Я знаю, — сказал Оливер. Голос стал тише. — Но она... она смотрит.

Он посмотрел на собачку, потом быстро отвернулся, будто ему было стыдно.

— Отдайте, — сказал он уже почти шепотом.

Освальд смотрел на сына. На этого маленького, вредного, колючего мальчика, который только что укусил его, обозвал идиотом, сказал, что он никто. И который сейчас стоял на кровати, дрожащий, и просил отдать игрушку, потому что она на него "смотрит".

Ребенок, — подумал Освальд. — Просто ребенок. Маленький, напуганный, злой. Но ребенок.

Он вздохнул. Подошел к кровати. Протянул собачку.

— Держи.

Оливер взял. Быстро, жадно, прижал к груди. Сжал так, будто боялся, что у него отнимут.

Посмотрел на Освальда. В глазах — вызов и что-то еще. Благодарность? Стыд? Не разобрать.

— Я не... — начал Оливер. И замолчал.

— Что? — спросил Освальд.

— Ничего, — сказал Оливер. Отвернулся. — Уходите.

Освальд усмехнулся.

Оливер сжался. Прижал собачку к себе еще сильнее.

— Уходите, — повторил он, но голос уже был не такой уверенный.

Освальд постоял секунду. Посмотрел на сына — маленького, с игрушкой в руках, с взъерошенными волосами. Потом развернулся и вышел.

В коридоре остановился. Посмотрел на свою руку. Синяк от укуса уже проступал, красный, четкий.

— Маленький гаденыш, — сказал он без злости. — Укусил. И даже не извинился.

Он пошел в ванную, обработал укус. Потом спустился вниз, сел на кухне.

На столе лежал список, который он составлял, когда готовил комнату. "Кровать, стол, стул, ковер, шторы". Все сделано. Все куплено. Все готово.

Он взял ручку, дописал внизу:

*

15. Собачку Оливер все-таки забрал. Значит, не такой уж он и бездушный.*

Освальд посмотрел на потолок, где над его головой была комната сына. Тихо. Только скрипнула половица — кто-то ходил.

— Спи уже, — сказал он тихо. — Завтра новый день. Наверху скрипнуло еще раз. И затихло.

Освальд выключил свет, пошел в гостиную. Лег на диван. Спать не хотелось, но глаза закрывались сами.

Он думал о том, что его сын — этот маленький, наглый, вредный мальчик — все-таки не бездушный. Потому что бездушный не стал бы просить игрушку обратно. Не стал бы смотреть на нее так, будто она живая. Не стал бы сжимать ее, как самое дорогое в мире.

— Ничего, — сказал Освальд в темноту. — Перемелется. Он закрыл глаза.

Наверху, в комнате с синими шторами, Оливер сидел

на кровати, обняв собачку. Смотрел на дверь, за которой скрылся отец. Потом на игрушку.

— Ты на него похожа, — сказал он тихо. — Такая же дурацкая.

Собачка смотрела желтыми глазами, молчала.

Оливер прижал ее к себе, лег, свернулся калачиком. В комнате было тихо. Только где-то далеко лаяла собака.

— Не бросай меня, — прошептал он. — Ладно?

Собачка не ответила. Но Оливер не отпускал ее.

Он уснул так — маленький, с игрушкой в руках, в комнате, которую для него приготовил отец. Отец, который, может быть, был не таким уж и чужим.

А может, и таким.

Но собачку он все-таки отдал. Освальд спустился на кухню, выключил свет в гостиной по пути. На кухне горела только подсветка над столешницей — тусклый желтый свет, который он обычно включал, когда не хотел видеть свои мысли слишком отчетливо.

Он открыл шкафчик над холодильником. Бутылка виски стояла на верхней полке, за коробкой с хлопьями, которые он купил для Оливера и которые Оливер, конечно, даже не посмотрел. Он достал бутылку, налил себе в кружку — нормальных стаканов не хотелось искать, — сделал глоток.

Виски обжег горло, разлился теплом где-то в груди. Хорошо.

Он сел за стол, поставил кружку перед собой. Посмотрел

на свою руку. Синяк уже проступил — аккуратный, ровный след от маленьких зубов. Освальд повертел рукой, разглядывая.

— Восемь лет, — сказал он тихо. — А зубы уже как у волчонка.

Он усмехнулся. Усмешка вышла кривая, невеселая.

Сделал еще глоток. На столе все еще лежал список, который он дописывал вечером. «Собачку Оливер все-таки забрал. Значит, не такой уж он и бездушный». Освальд посмотрел на эти слова и покачал головой.

— Бездушный, — сказал он. — Еще какой бездушный. Укусил, обозвал, игрушку бросил. Потом пожалел. Что за поколение? В моем детстве...

Он сделал большой глоток, поморщился.

— Не жалея себя, — сказал он вслух. — Он ребенок. Просто ребенок. Который укусил тебя, обозвал идиотом и сказал, что ты никто. В первый же день.

Освальд налил еще.

В доме было тихо. Только холодильник гудел где-то на заднем плане, да за окном изредка проезжали машины. Обычный вечер в Гринвуде. Только теперь в его доме, наверху, в комнате с синими шторами, спал восьмилетний мальчик, который его ненавидел.

Освальд сидел, смотрел в кружку. Виски был дешевый, но на такой вечер и дешевый сойдет.

Он уже начал думать о том, что завтра надо будет купить

зеленый виноград, как вдруг услышал.

Скрип.

Тихий, осторожный скрип на лестнице.

Освальд замер. Не пошевелился, даже дышать стал тише. Прислушался.

Еще один скрип. Потом еще. Кто-то спускался. Медленно, крадучись, как мышонок, который боится, что его заметят.

Освальд улыбнулся. Невеселая тоска куда-то отступила, уступив место чему-то другому. Любопытству, наверное. И еще — легкому, почти детскому желанию подшутить.

Он остался сидеть неподвижно, спиной к двери. Смотрел в кружку, делал вид, что ничего не слышит.

Шаги затихли в коридоре. Наверное, остановился у входа на кухню. Освальд чувствовал спиной, что там кто-то стоит. Маленький, на цыпочках, в пижаме — он, когда поднимался проверить, видел, что Оливер так и не переоделся, уснул в футболке и шортах.

Тишина. Оливер, наверное, разглядывал его. Сидит, пьет виски, понурый, с синяком на руке. Жалкое зрелище.

Освальд ждал. Чувствовал, как смех поднимается где-то

внутри, но сдерживался.

Шажок. Еще один. Оливер, кажется, зашел на кухню. Освальд слышал, как мальчик дышит — тихо, осторожно.

И тут он резко обернулся.

— БУ!

Оливер взвизгнул.

По-настоящему. Тоненько, по-детски, совсем не так, как он разговаривал час назад — взрослым, наглым тоном. Он подпрыгнул на месте, развернулся и бросился прочь. Босые ноги застучали по полу, по коридору, на лестницу. Топ-топ-топ-топ-топ!

Освальд смотрел ему вслед. Смех вырвался сам собой — громкий, искренний, от которого закололо в груди. Он откинулся на спинку стула, запрокинул голову и засмеялся. Громко. До слез.

На лестнице топот затих. Наверху хлопнула дверь.

Освальд все смеялся. Он согнулся пополам, уткнулся лицом в сложенные руки, плечи тряслись. Виски чуть не расплескался — он поставил кружку на стол, чтобы не уронить.

— Ой, — выдохнул он, вытирая глаза. — Ой, не могу.

Он представил лицо Оливера в тот момент, когда тот обернулся. Глаза круглые, рот открыт, и этот тоненький визг, которого он от этого серьезного, наглого мальчика никак не ожидал.

— Испугался, — сказал Освальд вслух, и снова засмеялся. — Испугался! Маленький вредина, который меня укусил,

обозвал идиотом и сказал, что я никто, испугался «Бу»!

Он вытер глаза, отдышался. Смех постепенно утихал, оставляя после себя тепло где-то в груди. Не от виски — от чего-то другого.

Освальд посмотрел на потолок. Наверху было тихо. Но он знал, что Оливер не спит. Сидит, наверное, на кровати, обнимает ту самую собачку, и злится, что его напугали.

— Ничего, — сказал Освальд в потолок. — Поделом тебе. Будешь знать, как кусаться.

Он допил виски, поставил кружку в раковину. Бутылку убрал обратно в шкафчик, за хлопья. Выключил свет.

Освальду снилось что-то про море.

Он не помнил, когда в последний раз был на море, но во сне оно было теплым, соленым, волны ласкали песок, и где-то кричали чайки. А потом этот крик превратились в топот. Мелкий, быстрый, настойчивый.

Топ-топ-топ.

Освальд поморщился, перевернулся на другой бок.

Топ-топ-топ-топ-топ.

Потом тишина. Потом снова — топ-топ-топ.

Освальд открыл один глаз. За окном было светло. Он посмотрел на телефон. Семь утра.

Топ-топ-топ.

Из коридора. Потом в комнату. Потом обратно в коридор. Туда-сюда. Туда-сюда.

— Что за... — пробормотал Освальд, садясь на кровати.

Топот прекратился. На секунду. Потом раздался снова — уже ближе, и дверь его спальни приоткрылась.

В щель просунулась голова. Взъерошенная, с каштановыми волосами, которые торчали во все стороны. Глаза сонные, но уже злые.

— Вы спите? — спросил Оливер шепотом, который был слышен на весь этаж.

— Уже нет, — сказал Освальд.

— А, ну хорошо, — сказал Оливер и исчез.

Топ-топ-топ — обратно в свою комнату.

Освальд потер лицо. Семь утра. Первое сентября. Школа.

Он встал, натянул домашние штаны, вышел в коридор. Дверь в комнату Оливера была открыта. Он заглянул.

Оливер стоял посреди комнаты, уже одетый в школьные брюки и рубашку, но рубашка была расстегнута, галстук валялся на кровати, волосы не причесаны. В руках он сжимал коричневую собачку — ту самую, с желтыми глазами. Прижимал ее к себе так крепко, будто боялся, что она сбежит.

— Ты чего не спишь? — спросил Освальд.

— Не могу, — буркнул Оливер, не глядя на него.

— Волнуешься?

— Нет.

Он прошел к столу, поправил краски, которые вчера разбросал. Собачка так и осталась у него под мышкой. Потом обратно к кровати, поправил одеяло. Потом к шкафу, открыл, закрыл. Потом опять к столу.

Освальд смотрел на это мельтешение. Маленький, с игрушкой под мышкой, ходит туда-сюда, как заведенный. И лицо серьезное, сосредоточенное, будто он решает мировую проблему, а не собирается в третий класс.

— Ты бы галстук завязал, — сказал Освальд.

— Я умею.

— Ну завяжи.

— Я и так завяжу. Отстаньте.

Оливер поставил собачку на кровать, взял галстук. Начал завязывать. Получился какой-то узел, который отдаленно напоминал галстук, но только если сильно прищуриться.

Освальд наблюдал. И чувствовал что-то странное в груди. Теплое. Глупое.

Оливер стоял перед ним в школьной форме — брюки, рубашка, этот кривой галстук. Волосы торчат. Щеки розовые со сна. И ростом — игрушечный. Сто тридцать два сантиметра.

Мой, — подумал Освальд. — Маленький. В школу собирается. В первый раз от меня.

И рука сама потянулась — поправить воротник, пригладить волосы, просто прикоснуться.

Он шагнул вперед, протянул руку.

Оливер отшатнулся как ошпаренный.

— Не трогайте! — сказал он, выставив руки перед собой.

— Не надо меня трогать!

Освальд замер.

— Я просто хотел...

— Ничего вы не хотели. Я сам.

Он отступил к кровати, схватил собачку, прижал к себе. Смотрел на Освальда с таким выражением, будто тот собирался его съесть.

Освальд опустил руку.

— Ладно, — сказал он. — Сам так сам.

Он вышел в коридор, прошел в ванную. Умылся, почистил зубы. Посмотрел на себя в зеркало. Щетина отросла, волосы торчат. Он что-то там пригладил, причесал, но толку было мало — кудри все равно лезли куда хотели.

Вернулся в комнату Оливера через пять минут. Мальчик стоял у зеркала — маленького зеркала на стене, которое Освальд повесил специально, чтобы было удобно — и пытался завязать галстук нормально. Собачка сидела на кровати, наблюдала.

Получалось плохо.

— Давай помогу, — сказал Освальд.

— Я сам.

— Ты уже десять минут мучаешься. Опоздаем.

— Я сказал, сам!

Галстук снова превратился в узел. Оливер дернул его, затянул еще туже. Получилось криво и косо, и воротник сбил-ся набок.

Освальд вздохнул.

— Слушай, маленький, — сказал он. — Я понимаю, ты у

нас самостоятельный. Но галстук — это не та вещь, с которой надо геройствовать. Давай я просто покажу.

Он подошел ближе, медленно, чтобы не спугнуть. Протянул руки.

Оливер напрягся, но не отшатнулся.

Освальд взялся за галстук, распустил узел. Поправил воротник. Пальцы касались шеи мальчика, теплой, маленькой. Оливер стоял как струна, весь напряженный, но терпел.

— Смотри, — сказал Освальд спокойно. — Сначала перекрещиваешь. Потом широкий конец вокруг узла. Потом в петлю. И затягиваешь.

Он завязал галстук. Ровно. Красиво.

— Видишь? Ничего сложного.

Оливер посмотрел в зеркало. Потрогал галстук. Кривиться не стал, но и спасибо не сказал.

— Волосы бы причесал, — сказал Освальд.

— Я и так причешусь.

— Гребень в ящике стола. Я положил.

Оливер открыл ящик, нашел гребень. Начал причесываться. Волосы у него были прямые, не кудрявые, как у Освальда, и слушались лучше. Через минуту они лежали ровно, гладко.

— Вот, — сказал Оливер. — Нормально.

— Хорошо, — сказал Освальд. — Собирай рюкзак. Я тебя отвезу.

Оливер замер.

— Не надо.

— Надо. Первое сентября. Ты не знаешь дороги.

— Я знаю. Бабушка показывала.

— Далеко. Пешком полчаса. На машине — пять минут.

Оливер открыл рот, чтобы возразить. Потом закрыл. Посмотрел на Освальда, потом в окно, где во дворе стояла новая машина.

— Какая у вас машина? — спросил он. Сделал вид, что спрашивает просто так, между делом.

— Новая, — сказал Освальд. — Сам увидишь.

Оливер нахмурился, делая вид, что ему все равно. Но глазки блестели.

— Ну ладно, — сказал он с таким видом, будто делает огромное одолжение. — Отвезите. Но я сам выйду. Не надо меня провожать. И перед школой не целовать. И фоткать не надо. И...

— Идет, — сказал Освальд. — По рукам?

Он протянул ладонь. Оливер посмотрел на нее, потом на Освальда.

— Это глупо, — сказал он.

— А ты у нас умный, я помню.

Оливер скрестил руки на груди. Но через секунду все же протянул свою маленькую ладошку и быстро, будто боялся, что передумает, стукнул по отцовской ладони.

— По рукам, — буркнул он. — Но я все равно сам выйду.

— Договорились.

Оливер схватил с кровати собачку. Прижал к себе.

— А это зачем? — спросил Освальд. — В школу с игрушками не ходят.

— Я знаю, — сказал Оливер. — Я просто... она со мной поедет. В рюкзаке посидит.

— Боишься, обидится?

— Ничего я не боюсь, — сказал Оливер, но собачку не выпустил. — Просто... она привыкла уже. К спать со мной.

Освальд усмехнулся.

— За одну ночь?

— За одну, — поправил Оливер. — Но она уже привыкла. Он сунул собачку в рюкзак, сверху положил тетрадки, пенал. Застегнул.

— Готов, — сказал он.

— Тогда поехали.

Они спустились вниз. Освальд взял ключи от машины, открыл дверь в гараж.

Оливер вошел первым. Увидел машину. Остановился.

— Это ваша? — спросил он.

— Наша, — сказал Освальд. — Теперь наша.

Оливер медленно обошел машину вокруг. Сделал вид, что осматривает колеса. Потом багажник. Потом заглянул в окно.

— Крутая, — сказал он тихо, почти про себя.

— Что? — переспросил Освальд, делая вид, что не слышал.

— Говорю, нормальная машина, — громко сказал Оли-

вер. — Так себе. Но ехать можно.

Освальд открыл дверь.

— Садись.

Оливер забрался на заднее сиденье, пристегнулся. Рюкзак поставил рядом, придерживая рукой, чтобы не упал.

— А почему на заднее? — спросил Освальд, садясь за руль.

— Потому что дети ездят сзади, — сказал Оливер. — Бабушка говорила.

Освальд посмотрел в зеркало заднего вида. Оливер сидел ровно, пристегнутый, рюкзак на коленях. Маленький, серьезный. И собачка внутри рюкзака, наверное, тоже сидит ровно.

— Поехали, — сказал Освальд.

Он вывел машину из гаража, закрыл дверь. Выехал со двора.

Машина шла плавно, тихо. Освальд вел аккуратно, не быстро, хотя дорога была пустая. Оливер смотрел в окно, молчал. Но в зеркале заднего вида было видно, как он рассматривает салон — панель, кнопки, экран навигатора.

— Климат-контроль есть? — спросил он как бы невзначай.

— Есть.

— Подогрев сидений?

— Тоже есть.

— А камера заднего вида?

— И камера.

Оливер кивнул. Замолчал. Но через минуту не выдержал.

— А сколько лошадей?

Освальд улыбнулся в зеркало.

— Двести.

— Неплохо, — сказал Оливер. — У бабушки было сто двадцать.

— Это у нее какая была?

— Хонда. Старая.

Освальд промолчал. Оливер тоже замолчал. В салоне стало тихо.

Школа показалась через пять минут. Огромное здание из красного кирпича, перед ним — толпа детей, родителей, флаги, воздушные шары. Освальд припарковался напротив входа, не доезжая до толпы.

— Ну, приехали, — сказал он.

Оливер отстегнул ремень. Посмотрел в окно. Там было много детей, много шума. Он вдруг стал меньше — еще меньше, чем обычно. Сжался на сиденье, прижимая рюкзак к груди.

— Ты чего? — спросил Освальд.

— Ничего, — сказал Оливер. — Я выхожу.

Он открыл дверь, вылез. Поправил рюкзак. Стоял у машины, маленький, в своей школьной форме, с криво повязанным галстуком (хотя Освальд завязывал ровно, Оливер успел его снова сбить). Волосы уже снова торчали, потому

что он провел по ним рукой.

Освальд вышел из машины. Хотел сказать что-то. Что-то важное. Про то, что все будет хорошо. Что он здесь. Что...

— Не выходите! — сказал Оливер, заметив его. — Договорились же!

— Я просто...

— Я сам!

Оливер развернулся и зашагал к школе. Спина прямая, рюкзак за спиной, шаги твердые. Маленький, а идет так, будто он тут главный.

Освальд смотрел ему вслед. Видел, как другие дети идут с родителями — держатся за руки, обнимаются, фоткаются на фоне школы. А его сын шагает один, сжимая лямки рюкзака, где внутри сидит коричневая собачка с желтыми глазами.

Он хотел окликнуть. Помахать. Сказать что-то.

Не стал.

Оливер дошел до входа, обернулся. Посмотрел на Освальда. На секунду. И быстро отвернулся. Скрылся за дверью.

Освальд стоял у машины, смотрел на закрытую дверь школы.

— Вот же, — сказал он тихо. — Даже не обернулся нормально.

Он сел в машину. Посидел минуту. Потом завел мотор.

На пассажирском сиденье лежала маленькая резинка для волос — Оливер, наверное, из кармана выпала. Освальд взял ее, покрутил в руках. Положил в бардачок.

— Ничего, — сказал он. — Привыкнет.

Он выехал со школьной парковки, бросив последний взгляд на здание. Где-то там, среди сотни детей, его сын шагнул по коридору, сжимая рюкзак, в котором спала коричневая собачка.

И, может быть, он все-таки обернется, когда никто не видит. Помашет. Хоть кому-то.

А может, и нет.

Освальд свернул на свою улицу. Дома было тихо. Слишком тихо.

Он зашел в дом, поднялся наверх. Заглянул в комнату Оливера.

Кровать не заправлена. На столе — альбом, краски. На полу — носок, который утром не нашли. На стене — фотография, где Оливер в первом классе держит яблоко.

Освальд заправил кровать. Поднял носок. Поправил шторы.

Потом сел на кровати, посмотрел на пустую комнату. И улыбнулся.

— Маленький, — сказал он. — А туда же. Галстук сам завяжу, в машину сам сяду, из школы сам выйду.

Он встал, вышел из комнаты. На лестнице остановился.

Из школы он его все равно встретит. Пусть хоть брыкается.

И собачку возьмет. Потому что собачка, наверное, тоже скучает.

Освальд спустился вниз, налил себе кофе. Первое сентября. Начало новой жизни.

Поживем — увидим.

Глава 3

Сложный характер

Оливер открыл глаза.

За окном было серо, даже птицы еще не орали, и весь дом лежал в той особенной утренней тишине, когда кажется, что даже половицы перестали скрипеть из вежливости.

Спальня отца находилась в конце коридора. Дверь была приоткрыта — всегда приоткрыта, Оливер проверял. Оттуда доносилось ровное, немного свистящее дыхание.

Оливер постоял босиком на холодном полу, прислушиваясь. Тишина.

Дурак спит, подумал он беззлобно. *Развалился там, наверное, в одних боксерах, как всегда. Даже одеяло скинул, наверное.*

Он представил эту картину и почему-то почувствовал себя предателем.

Бабушка говорила: *мужчина должен быть опрятным. Волосы на теле — это неопрятно.*

Оливер посмотрел на свои руки.

При дневном свете этот пушок был почти незаметен. Бабушка называла это «персиковым». Светлый, мягкий, его

можно было разглядеть, только если вывернуть руку под определенным углом. Другие мальчишки в школе вообще не барились, и никто не обращал внимания.

Но Оливер знал.

Он видел, как волосы становятся темнее у самых костяшек. Как они не выпадают, а растут, медленно, но упрямо, будто что-то внутри него проросло наружу.

Я не ненормальный, сказал он себе. Я просто... повзрослею пораньше. Вот и всё.

В ванную он пробирался как ниндзя. Половица у двери предательски скрипнула — Оливер замер, вжав голову в плечи.

Из спальни отца — тишина.

Спит. Толстый ленивый пень.

Бритву он нашел не сразу.

В шкафчике под раковиной валялись тюбики, какие-то пузырьки с непонятными жидкостями, старая зубная щетка с разлохмаченной щетиной. Оливер копался, стараясь не греметь, и мысленно проклинал отца за то, что тот не может организовать нормальное хранение вещей.

Вечно у него бардак. Красная рубашка на стуле, носки под кроватью, в холодильнике только виски и засохший сыр. Как он вообще выжил до меня?

Бритва нашлась в самом углу. Старая, с поцарапанной рукояткой, лезвие тускло блестело в полумраке.

— Ага, — шепнул Оливер.

Он встал, включил свет и посмотрел на свое отражение.

Из зеркала на него смотрел мальчик с карими глазами. Волосы торчат в разные стороны — он спал на неудобной подушке. На щеке след от складки на наволочке.

Маленький еще, подумал Оливер с отвращением. *Сопляк.*

Он открыл бритву.

Первая попытка была ужасной катастрофой. Оливер понятия не имел, как это делается. В фильмах мужчины просто водили бритвой по лицу, и всё. Никто не объяснял, под каким углом, с каким нажимом.

Он провел лезвием по левому запястью, почти не нажимая. Бритва заскребла, как наждачка, выдернула несколько волосков, но большинство осталось на месте. К тому же это было ужасно щекотно.

— Да твою ж, — прошептал Оливер, копируя интонации одноклассников.

Он попробовал сильнее.

Бритва заела, дернулась, оставив на коже красную царапину. Не глубокую, но противную.

— Дурацкая... старая... отцовская... —

Он шипел сквозь зубы, пытаясь подобрать правильный угол. Волоски не сбивались, они застревали между лезвиями, и бритва только дергала и мучила кожу.

Надо смачивать, вспомнил Оливер. *Точно. Пена нужна.*

Пены для бритья у отца не было. Вообще. Оливер облазил весь шкафчик — ничего, кроме жидкого мыла.

— Ну конечно, — выдохнул он с ненавистью. — У него даже пены нет. Он вообще мужчина или кто?

Мыло было жидким и совсем не пенилось. Оливер намазал руки скользкой жижей и снова взялся за бритву.

Второй проход.

Бритва скользнула по мыльной коже — и вдруг ушла вглубь.

Оливер даже не сразу понял, что произошло. Просто почувствовал жжение, посмотрел вниз и увидел, как из длинного пореза на внешней стороне предплечья выступила кровь.

Яркая. Алая.

Бабушкина кровь была такой же, мелькнуло в голове. *Когда ее вытаскивали из машины.*

Бритва звякнула, падая в раковину.

Оливер смотрел на свою руку, и почему-то ему казалось, что кровь течет слишком быстро. Что он сделал что-то непоправимое. Что сейчас войдет отец, увидит —

— Олли?

Голос был сонный, хриплый и раздавался прямо за дверью.

Оливер дернулся, заслоняя руку спиной. Сердце ухнуло в пятки.

— Я занят! — выпалил он голосом, который противно дрогнул.

— Ты там уже полчаса, я в туалет хочу, — дверная ручка шевельнулась. — Ты чего, уснул?

— Нет! Нельзя! Я...

Дверь открылась.

Освальд стоял на пороге в одних боксерах и майке, которая съехала на одно плечо. Волосы торчали во все стороны так, будто он провел ночь в драке с электрическим током. Глаза сонные, щека смята.

Он посмотрел на Оливера.

На его перепачканные жидким мылом руки.

На бритву в раковине.

На капли крови на белом фаянсе.

И замер.

Оливер приготовился к крику. К вопросам. К тому, что отец сейчас начнет паниковать, хватать аптечку, читать нотации.

Освальд моргнул.

И вдруг улыбнулся.

Не своей обычной навязчивой улыбкой, а другой — сонной, чуть хриплой, с прищуром.

— Олли, — сказал он таким тоном, будто сделал великое открытие. — Ты что, бриться решил?

Оливер покраснел мгновенно, до корней волос.

— Нет.

— А что это тогда?

— Ничего. Я просто... мыл...

— С бритвой?

— Отвали.

Но Освальд не ушёл. Он оперся плечом о дверной косяк и смотрел на сына с этим дурацким умилением, от которого Оливеру хотелось провалиться сквозь пол.

— Слушай, — сказал Освальд, и голос его дрожал от сдерживаемого смеха. — Я понимаю, ты торопишься стать взрослым. Но обычно сначала борода отрастает. А у тебя там...

Он махнул рукой в сторону Оливера.

— Там вообще ничего нет. Ты бы хоть на лице попробовал сначала, а то на руках... Я в твоём возрасте тоже, кстати, хотел усы, думал, если побрею — быстрее вырастут, так я потом три недели с щетиной ходил, а это три волосинки...

— Замолчи!

Оливер швырнул в него скомканным полотенцем.

Освальд поймал полотенце одной рукой, второй закрывая рот, потому что смех уже прорывался сквозь пальцы. Плечи его тряслись.

— Ты... ты не смейся! — голос Оливера сорвался на фальцет, и это сделало всё только хуже. — Это не смешно! Я не

для того чтобы... я не ребенок!

— Знаю, знаю, — Освальд вытер глаза. — Ты не ребенок. Ты очень взрослый. Настолько взрослый, что порезался тупой бритвой и даже не знаешь, что пена для бритья существует.

— У тебя ее нет! — выкрикнул Оливер.

— Потому что я пользуюсь нормальным станком, а не этой древностью, которую я купил, когда мне было шестнадцать и у меня тоже ничего не росло, — Освальд шагнул вперед, протянул руку. — Дай посмотреть.

— Не трогай!

— Олли.

— Не трогай меня!

Оливер отшатнулся, прижимая порезанную руку к груди. В глазах защипало от злости и стыда.

Отец перестал смеяться.

Он стоял в двух шагах, с этой своей дурацкой майкой набекрень, и уже не улыбался. Смотрел серьезно. Как тогда, когда Оливер в первую ночь не выходил из комнаты.

— Больно? — тихо спросил Освальд.

— Нет.

— Дай посмотрю. Я врач. Я знаю, как это лечить.

Освальд сделал паузу. Очень долгую паузу.

Потом его лицо дернулось.

Оливер сунул отцу порезанную руку, отводя взгляд.

Освальд молчал. Он держал запястье сына очень осторож-

но, кончиками пальцев, и рассматривал порез. Крови было совсем чуть-чуть — уже перестала течь.

— Глубокий? — буркнул Оливер.

— Нет. Царапина.

— А чего тогда смотришь?

Освальд вздохнул.

— Бритву я выброшу.

— Не выбрасывай, она нормальная.

— Она старая и тупая. Я куплю тебе новую. И пену. И крем после бритья, который пахнет как... ну, чем там пахнет, я не знаю, я пользуюсь хозяйственным мылом.

Оливер фыркнул, но руку не отнял.

— Будешь учить? — спросил он в стену.

Освальд поднял голову.

— Бриться?

— Ну да.

Отец смотрел на него долго. Слишком долго. Оливер чувствовал этот взгляд на своей макушке и ненавидел себя за то, что покраснел еще сильнее.

— Олли, — сказал Освальд наконец. — Тебе восемь.

— И что?

— Ничего. Просто... знаешь, у тебя еще лет пять есть. А то и десять. Не торопись становиться взрослым.

— А ты не торопись становиться старым, — буркнул Оливер. — У тебя уже седина.

— Где?! — отец дернулся к зеркалу, выпуская его руку.

— Нигде. Шучу.

Освальд замер. Посмотрел на свое отражение, на взлохмаченные волосы, на майку, на боксеры с миньонами.

— Я иду одеваться, — объявил он с достоинством. — А ты... обработай руку. В аптечке зеленка и пластыри. И убери за собой в раковине.

— Сам убери.

— Олли.

— Ладно.

Освальд вышел из ванной.

Оливер выдохнул. Посмотрел на свое отражение — лохматое, красное, с мокрыми глазами.

Дурак, сказал он себе. Дурак дураком. И отец дурак. И бритва дурацкая. И всё.

Он открыл аптечку, нашел зеленку, зашипел от жжения, заклеил порез пластырем с Бэтменом — других не было, это отец купил, «потому что у них скидка была на упаковку».

Надо было умыться, но Оливер вдруг почувствовал, что больше не может находиться в этой ванной. Воздух здесь был спертый, пахло мылом и кровью, и позором.

Он выскочил в коридор.

И наступил на край ковровой дорожки.

Лестница встретила его с привычным равнодушием.

Оливер кубарем скатился вниз, успев подумать: *только не это, господи, только не снова* — и приземлился на пятую точку прямо в прихожей.

Сверху донеслось:

— Олли, ты жив?

— Да!

— Сильно ушибся?

— Нет!

— Помочь встать?

— НЕ ЛЕЗЬ!

Оливер сидел на холодном полу в носках, прижимая к груди заклеенную Бэтменом руку, и смотрел на входную дверь.

Из кухни пахло вчерашней пиццей и остывшим кофе.

Сверху отец, наверное, улыбался.

Оливер закрыл глаза.

Ненавижу этот дом, подумал он. Ненавижу эту лестницу. Ненавижу, что он не злится.

Ненавижу, что он всегда смеется, когда мне больно.

Ненавижу, что я знаю — он смеется не надо мной. Он просто рад, что я жив.

Ненавижу.

Ненавижу.

Он посидел еще минуту. Потом встал, отряхнул штаны и пошел на кухню.

На столе лежала записка, прижатая солонкой.

Почерк у отца был ужасный, каракули прыгали в разные стороны.

«Олли. Я пошел в аптеку за нормальным станком и пластырями без супергероев (ты же говорил, что уже взрос-

мый). Блинчики в микроволновке. Если будешь сбегать из дома — надень куртку, на улице ветер. У тебя ничего не растет на руках, это нормально. У меня тоже в 8 ничего не росло.

Оливер сложил записку вчетверо и сунул в карман джинсов.

Достал блинчики из микроволновки.

Съел три штуки, даже не заметив вкуса.

— Дурак, — сказал он пустой кухне. — Взрослый дурак с дурацкой улыбкой.

За окном начиналось утро. Солнце подсвечивало шторы.

Оливер сидел за столом, крутил в пальцах пластырь с Бэтменом и ждал, когда хлопнет входная дверь.

Оливер зашел на школьный двор.

Обычно здесь было шумно. Обычно он сам был частью этого шума — в центре стайки мальчишек, громче всех, быстрее всех, первый на горку, первый в футбол, первый на спор.

Сегодня он шел молча.

— Дейвис! Олли! Ты чего такой кислый?

Голос принадлежал Коулу, его соседу по парте. Коул был рыжий, веснушчатый и никогда не замечал настроения других людей.

— Нормально, — сказал Оливер.

— Идешь на осмотр?

— Ага.

— Повезло, нас, мальчиков, первой парой. Девчонки только после обеда пойдут, а мы уже свободны. Го в футбол потом?

— Посмотрим.

Коул уставился на него.

— Ты заболел, что ли? Голос как у робота.

Оливер пожал плечами.

Коул пожал плечами в ответ и убежал — догонять кого-то из параллельного класса.

Запах спирта и бумаги.

Оливер ненавидел этот запах. От него всегда хотелось чихнуть и одновременно сжаться в комок, стать маленьким-маленьким, чтобы тебя никто не видел.

Медсестра, миссис Хоффман, была старой, сухой и говорила так, будто у нее во рту перекатывались леденцы. Она уже двадцать лет работала в этой школе и, кажется, помнила еще родителей нынешних учеников.

— Смит, Джексон, Браун, Вонг...

Оливер стоял у стены, прислонившись плечом к холодным бежевым панелям. Список фамилий шел по алфавиту, и его — Дейвис — должен был быть где-то в начале.

Должен был.

— Картер, Ли, Мартинес...

Он смотрел в пол. На линолеуме было темное пятно, похожее на вопросительный знак.

Я не слышу. Я вообще ничего не слышу. У меня уши зало-

жило. Я, наверное, заболел. Надо домой.

— Миллер, Окойе, Патель...

Рядом сопели мальчишки. Кто-то толкался локтями, кто-то шептался про футбол.

Обычно Оливер тоже толкался. Обычно он был в центре, со всеми, громкий, заметный.

Сейчас ему хотелось стать частью стены.

— Родригес, Санчес, Томпсон...

Фамилия Томпсон прозвучала как удар гонга. После Томпсона должен был быть Уильямс, но Уильямс болел, и тогда...

— ...

Миссис Хоффман замолчала, переворачивая страницу.

— Все, — сказала она. — Кого я пропустила? Поднимите руки.

Оливер приклеил взгляд к пятну на линолеуме.

Рядом зашевелились. Кто-то сзади ткнул его в спину.

— Дейвис, ты че, глухой? Тебя не назвали.

— Не слышал, — выдавил Оливер.

— Ну так иди, она ждет.

Медсестра уже смотрела прямо на него. Очки блестели, губы сжаты в тонкую линию.

— Оливер Дейвис?

Он отлепился от стены.

Подошел.

Кабинет был маленький, а очередь из мальчишек — длин-

ная, но Оливеру казалось, что сейчас в комнате только он, старуха Хоффман и этот проклятый ростомер.

— Встань сюда. Спина прямо. Смотри вперед.

Металлическая планка опустилась на макушку. Холодная. Оливер зажмурился.

— Сто тридцать два с половиной. Хороший рост для твоего возраста. Хм, даже выше среднего.

Оливер кивнул, не открывая глаз.

— Весы. Разуйся.

Он разулся. Встал на холодный металл. Стрелка дернулась.

— Двадцать семь и четыре. Тоже норма. Хорошо питаешься?

— Да, мэм.

Дурак меня кормит. Блинчики. Пицца. Макароны с сыром, хотя я говорил, что уже не маленький для детских макарон.

— Руки дай.

Оливер замер.

— Я сказала, руки.

Он протянул правую. На запястье — ничего. На предплечье — пластырь с Бэтменом, который он приклеил сверху на отцовский, чтобы не видно было пореза.

Миссис Хоффман взяла его руку сухими пальцами.

— Что это?

— Порезался.

— Чем?

— Бритвой.

Пауза.

Медсестра подняла на него глаза поверх очков. Взгляд был тяжелый, как мокрое одеяло.

— Ты брился?

— Нет. То есть да. То есть...

Я хотел попробовать.

— В восемь лет?

— Мне почти девять.

— Оливер, — она говорила медленно, будто он был умственно отсталым. — Ты умеешь обращаться с бритвой?

— Нет, мэм.

— Это я вижу.

Она отогнула край пластыря. Под ним был аккуратный, ровный порез — Освальд обработал его, перевязал, даже бинт наложил профессионально, потому что «я врач, Олли, я знаю, как это делать».

Медсестра смотрела на порез.

Потом на пластырь с Бэтменом.

Потом снова на Оливера.

— Подожди здесь, — сказала она.

Оливер ждал.

За дверью кабинета шумели мальчишки — осмотр закончился, всех отпустили на обед. Доносились крики с футбольного поля, смех, топот.

А Оливер сидел на жестком стуле возле стола миссис Хоффман и смотрел на телефонный аппарат.

Старенький, бежевый, с пыльной трубкой и длинным витым шнуром.

Миссис Хоффман листала журнал.

— Дейвис, — сказала она, не поднимая головы. — Номер родителей.

— У меня только папа.

— Номер отца.

Оливер продиктовал.

Он знал этот номер наизусть. Освальд заставил выучить в первый же день — «на случай, если потеряешься, если что-то случится, если я тебе понадобится, Олли, ты должен позвонить мне сразу, слышишь, сразу».

Дурак. Кому я позвоню. Я же мужик уже почти.

Миссис Хоффман набирала цифру за цифрой.

Диск вращался медленно, с механическим шорохом.

Один... четыре... пять...

Оливер смотрел на диск и чувствовал, как щеки начинают гореть.

Ну вот зачем. Зачем ты мне купил эти дурацкие пластыри. Зачем ты вообще встал сегодня в шесть утра и полез в ванную. Зачем ты смеялся. Зачем я сказал про седину. Зачем ты носишь боксеры с миньонами.

Семь... два... три...

Он представил, как отец берет трубку.

Освальд всегда отвечает странно. Не как нормальные родители. Он не говорит «алло» сухим деловым тоном. Он тянет: «Да-а?» — будто ему только что позвонил старый друг, а не неизвестный номер.

Или еще хуже: он отвечает, как врач. Спокойно, ровно. «Дейвис слушает». А потом, когда узнает, что звонят из школы, его голос сразу становится выше. Встревоженный. Как у мамочки из сериалов, которые бабушка смотрела днем.

Он скажет: «Что с Олли? Он в порядке? С ним всё хорошо? Пожалуйста, скажите, что с ним всё хорошо».

Перед всей школой.

Перед медсестрой.

Перед этими дурацкими стенами.

Восемь... ноль...

— Соединяю, — сказала миссис Хоффман.

Оливер зажмурился.

В трубке затрещало, щелкнуло — и на том конце ответили.

Голос был сонный, слегка хриплый, будто человека только что разбудили.

— Да-а? — сказал Освальд. — Кто это?

Оливер открыл глаза.

Посмотрел на диск телефона.

На бежевый корпус.

На витой шнур, который тянулся от трубки к аппарату.

Миссис Хоффман открыла рот, чтобы заговорить.

Не надо, хотел крикнуть Оливер. Не говори ему. Не надо. Он примчится. Он будет улыбаться. Он скажет что-нибудь дурацкое про пластыри или про то, что я вчера съел три блинчика. Он опозорит меня. Опозорит. Опозорит...

— Мистер Дейвис? — сказала миссис Хоффман. — Это школьный медицинский кабинет. Беспокоит медсестра Хоффман. Ваш сын, Оливер...

Глава 4

Неправильный родитель

Миссис Хоффман сделала паузу. Освальд на том конце что-то коротко ответил — Оливер не слышал слов, только вибрацию голоса, слишком быструю, слишком живую.

Миссис Хоффман слушала. Ее лицо оставалось неподвижным.

— Да, с ним все в порядке физически. Нет, ничего серьезного. Речь о другом.

Пауза.

— Ваш сын пришел в школу с порезами на руках. Он утверждает, что пытался бриться. В восемь лет. Я обязана сообщить вам, что это...

Она запнулась.

— ...небезопасно.

Оливер смотрел в пол. Пятно в форме вопросительного знака расплывалось перед глазами.

— Да, я понимаю, что вы врач, — голос миссис Хоффман

стал чуть суше. — Но это не отменяет факта. Ребенок взял в руки бритву, не имея представления о технике безопасности. Если бы порез был глубже...

Она слушала.

Оливер слышал только треск и далекий, приглушенный голос отца. Слишком быстрый. Слишком взволнованный. Освальд всегда говорил быстро, когда нервничал — Оливер заметил это еще в первую неделю.

Он оправдывается, понял Оливер. Перед этой старой каргой оправдывается. За меня. За бритву. За то, что не уследил.

Стыд жег горло.

Миссис Хоффман снова заговорила:

— Мистер Дейвис, я не ставлю вам диагноз. Я констатирую: у вашего сына свежая травма, полученная в результате небезопасного обращения с острым предметом. В домашних условиях. Пока вы, предположительно, спали.

Пауза.

Голос в трубке что-то быстро-быстро-быстро.

И вдруг — тишина.

Оливер поднял голову.

Миссис Хоффман молчала. Она слушала — и лицо ее менялось. Сухое раздражение медленно сползало, сменяясь чем-то другим. Не уважением. Скорее — вынужденным признанием.

— Хорошо, — сказала она наконец. — Да. Я понимаю.

Оливер замер.

— Нет, этого достаточно. Вы врач, вы понимаете риски. Я просто обязана была уведомить.

Она слушала еще несколько секунд. Кивнула, будто собеседник мог ее видеть.

— Хорошо. Я передам.

Она положила трубку.

Повернулась к Оливеру.

— Твой отец сказал, — голос ее был ровным, официальным, — что поговорит с тобой дома. И примет меры.

Оливер сглотнул.

Внутри что-то оборвалось и ухнуло вниз, в живот, тяжелым холодным камнем.

Примет меры.

Бабушка всегда так говорила. «Я приму меры, Оливер». Это значило — остаться без ужина. Это значило — стоять в углу два часа. Это значило — неделю без телевизора и «ты сам виноват, я тебя предупреждала».

Примет меры.

Он представил лицо отца. Не улыбающееся. Не дурацкое, с майкой набекрень. Другое. Серьезное. Строгое. Каким он никогда не был.

Он злится. Конечно, он злится. Я взял его бритву. Я порезался. Я опозорил его перед всей школой.

Он меня выгонит.

Он отправит обратно к бабушке.

Он...

— Дейвис, — голос миссис Хоффман разрезал мысли. —

Ты меня слышишь?

Оливер дернулся.

— Да, мэм.

— Иди на уроки. У тебя математика?

— Английский.

— Тем более. Опоздаешь — получишь замечание.

Она уже смотрела в журнал, переворачивая страницу. Аудиенция окончена. Он больше не пациент, не проблема, не случай. Он снова просто ученик третьего класса, который должен быть на английском.

— Но... — Оливер не узнал свой голос. Тонкий, чужой.

— Вы сказали, папа... он...

— Вечером, — отрезала миссис Хоффман, не поднимая головы. — Дома. Отец с тобой поговорит. Объяснит всё. В строгом формате. А сейчас — иди.

Она махнула рукой в сторону двери. Жест был точный, экономный — выметайся, ребенок, у меня работа.

Оливер встал.

Ноги не слушались. Колени были ватные, ладони вспотели, и пластырь с Бэтменом на руке вдруг показался огромным, кричащим, позорным.

Он дошел до двери.

Остановился.

Обернулся.

Миссис Хоффман уже не смотрела на него. Она писала что-то в своем журнале, сухая, прямая, неумолимая.

В строгом формате.

Оливер вышел в коридор.

За дверью было шумно, солнечно, пахло школьным обедом — дешевыми сосисками и подливкой. Где-то смеялись. Кто-то пробежал мимо, толкнул плечом, даже не извинился.

Оливер стоял у стены, прижимая к груди рюкзак, и смотрел на часы.

До конца уроков — три часа.

Три часа до того, как он пойдет домой.

Три часа до того, как отец — веселый, добрый, причудливый отец, который никогда не злился, никогда не кричал, никогда не наказывал, — скажет ему: «Олли, нам нужно поговорить».

Три часа до «строгого формата».

Я не хочу домой, подумал Оливер.

Я хочу, чтобы он снова смеялся.

Я хочу, чтобы он сказал, что бритва дурацкая, и купил новую.

Я хочу, чтобы он забыл.

Но он не забудет. Он врач. Он принял меры. Он теперь будет серьезным.

И это я виноват.

В конце коридора хлопнула дверь класса. Миссис Томпсон, учительница английского, высунулась в коридор:

— Оливер Дейвис! Ты идешь или будешь стоять там до вечера?

Оливер пошел.

Он не помнил, как открыл дверь, как сел за парту, как достал учебник. Буквы расплывались. Голос учительницы доносился будто из-под воды.

— Оливер? Ты слышал вопрос? Прошедшее время глагола «go»?

— Went, — сказал он в парту.

— Правильно. А теперь внимание на доску...

Оливер смотрел на доску и не видел ничего.

Вечером. Папа поговорит. В строгом формате.

Что значит «строгий формат»?

Он будет кричать?

Он вообще умеет кричать?

Он будет молчать?

Это хуже.

Бабушка молчала перед тем, как запереть в комнате. Она смотрела. Долго. Потом говорила: «Иди, подумай о своем поведении».

Отец тоже будет смотреть?

Он будет разочарован?

Разочарование — хуже злости.

Оливер сжал ручку так, что она хрустнула.

Рядом зашептались. Кто-то толкнул под партой ногой — эй, Дейвис, ты че, уснул?

Он не ответил.

Он считал минуты.

Пятый урок. Звонок.

Оливер собрал рюкзак медленнее всех. Застегнул молнию. Перекинул лямку через плечо.

Выходить не хотелось.

— Дейвис, тебя папа ждет? — крикнул кто-то из мальчишек. — Или сам дойдешь?

— Сам, — сказал Оливер.

Он вышел из школы.

На улице моросил мелкий, противный дождь. Сентябрь, причём только начало сентября. Серое небо, серый асфальт, серая дорога домой.

Оливер шел медленно.

Он знал, что отец уже дома. Освальд работал удаленно — «временно», как он говорил, «пока Оливер не привыкнет». Он всегда был дома. Всегда встречал. Всегда улыбался.

Сегодня не встретит. Сегодня не улыбнется.

Сегодня у него «строгий формат».

Оливер остановился у калитки.

Зеленый двухэтажный дом. Свет на кухне горел.

За шторой двигалась тень.

Он там. Ждет.

Принимает меры.

Оливер положил ладонь на холодную щеколду.

И замер.

Внутри, под ребрами, билось что-то маленькое и испуганное. Не тот Оливер, который грубил отцу за завтраком. Не тот, который закатывал глаза на дурацкие шутки. Другой. Тот, который три недели назад впервые переступил порог этого дома и боялся, что его выгонят через пять минут.

Я не хотел тебя подводить, подумал он, глядя на свет в окне.

Я просто... я просто хотел быть нормальным.

Я просто хотел, чтобы у меня ничего не росло на руках.

Я просто...

Щеколда щелкнула. Калитка открылась.

Оливер вошел во двор.

В прихожей горел свет. Пахло чем-то — не едой, нет. Какими-то духами? Освежителем воздуха? Отец иногда брызгал эту ерунду, когда думал, что в доме «надо создать уют».

Уют. Сейчас будет уют. Строгий формат. Меры.

Оливер снял кеды. Поставил их ровно — сам не заметил как. Бабушка всегда заставляла ставить обувь ровно.

Из гостиной доносились звуки телевизора.

Не новости. Не документалка про животных, которую отец иногда включал. Какая-то дурацкая реклама, где закадровый голос надрывно расхваливал средство для прочистки труб.

Он смотрит телевизор.

Он ждет меня и смотрит телевизор.

Может, он забыл?

Нет. Не забыл. Он сказал «приму меры». Врачи не забывают.

Оливер сделал шаг в гостиную.

Освальд лежал на диване.

Не сидел с суровым лицом, сложив руки на груди. Не мерил шагами комнату, готовя строгую речь. Он лежал. Животом вниз. Одна нога свешивалась на пол, вторая уютно покоилась на подушке. Рубашка — красная, конечно — задралась на спине, открывая полоску поясницы.

Телевизор бормотал про супер-впитывающие салфетки.

— А, Олли, — сказал Освальд, не оборачиваясь. Голос был сонный, расслабленный. — Ты пришел?

Оливер замер в дверях.

— Я... да.

— Слушай, мне готовить было лень, я из магазина заказал. Суши через двадцать минут будут. Ты же любишь те, с угрем?

Оливер не ответил.

Освальд приподнялся на локте, обернулся.

— Олли? Ты чего в дверях стоишь, проходи.

Он улыбнулся.

Обычной своей улыбкой. Дурацкой. Легкой. Беззаботной.

И Оливера прорвало.

Не наружу — внутрь. В груди что-то сжалось, перекрутилось узлом. Злость. Облегчение. Недоверие.

Он улыбается. Он лежит на диване. Он заказал суши. Он

забыл? Нет. Он не забыл. Он просто...

Освальд встал.

Потянулся — хрустнул позвоночником, задрал руки вверх, майка поехала, открывая живот.

— Угря будешь? Или только роллы с огурцом? Я, кстати, взял еще те, острые, но ты, наверное, не будешь...

Он сделал шаг к Оливеру.

Оливер шагнул назад.

Освальд остановился.

— Олли?

— Ты сказал, — голос Оливера сел. Пришлось откашляться, чтобы продолжить. — Ты сказал медсестре. По телефону.

Освальд моргнул.

— Что сказал?

— Что... — Оливер сглотнул. — Что примешь меры. Что поговоришь со мной. В строгом формате.

Пауза.

Освальд смотрел на него. Глаза у него были карие, сейчас — без желтизны, обычные. И в них не было строгости.

В них было что-то другое. Растерянность? Понимание?

— Олли, — сказал он наконец. — Ну надо же было ей что-то ответить.

Оливер замер.

— Что?

— Чтобы отвязалась. — Освальд пожал плечами — легко, небрежно, будто речь шла о погоде. — Она же ждала, что я

буду оправдываться или ругаться. А я сказал то, что она хотела услышать. «Приму меры», «поговорю», «строгий формат». Она отстала.

Он говорил это так просто. Так обыденно.

Как будто не было этих трех часов. Как будто Оливер не сидел на английском, не слышал слов, не считал минуты до казни.

— Ты... — Оливер не находил слов. — Ты соврал?

— Я дипломатично вышел из ситуации, — поправил Освальд.

— Ты соврал медсестре.

— Я соврал медсестре. Да.

Оливер смотрел на него.

Освальд стоял в двух шагах, в своей красной рубашке, с растрепанными волосами, с этой дурацкой полуулыбкой. Он только что признался во лжи — и ему не было стыдно.

— И... — Оливер снова сглотнул. — И всё? Никаких мер?

— А какие меры? — Освальд искренне удивился. — Выбросить бритву? Я выбросил. Купить нормальный станок? Я купил, в шкафчике лежит. Научить тебя бриться, когда придет время? Научу. Какие еще меры?

— Но ты сказал...

— Олли.

Освальд сделал еще шаг.

Оливер снова отступил. Спина уперлась в дверной косяк. Дальше некуда.

— Не буду я тебя ругать, — сказал Освальд просто. — А уж тем более наказывать. У меня своих дел знаешь сколько.

— Каких дел? — вырвалось у Оливера. — Ты на диване лежал!

— Я думал!

— О чем?

— О суши! — Освальд улыбнулся во весь рот. — Решал, брать с угрем или с лососем. Это ответственное решение, между прочим.

Оливер открыл рот.

Закрыл.

В груди что-то отпустило — резко, болезненно, как застывшая мышца, которую наконец размяли.

Он не знал, смеяться ему или плакать.

— Ты... — выдавил он. — Ты вообще... как с тобой можно серьезно?

— Никак, — согласился Освальд. — Я несерьезный человек. Только сейчас понял? Поздновато, Олли, ты уже два дня тут живешь.

Он протянул руку.

Оливер дернулся, но не увернулся.

Ладонь отца легла ему на макушку. Теплая. Немного влажная — наверное, только что руки мыл. Пальцы запутались в волосах, взлохматили, растрепали еще больше.

— Идем есть, — сказал Освальд. — Суши стынут, курьер уже звонил, я дверь не открыл, сказал, положите на крыльцо. А ты стоишь тут, в дверях, как неприкаянный.

Он потрепал Оливера по голове.

Еще раз.

Еще.

— Хватит! — Оливер дернулся, выныривая из-под ладо-

ни. — Я тебе не собака!

— А кто сказал, что собак гладят? Я тебя как сына.

— У меня план такой: гладить, кормить суши, покупать бритвы, когда вырастут усы. Всё. Остальное — не мое.

Освальд развернулся и пошел к входной двери — открывать, забирать заказ.

Оливер остался стоять в дверях гостиной.

На полу валялся пульт от телевизора. На экране все еще шла реклама — теперь какого-то шампуня. За окном моросил дождь. На кухне щелкнул чайник — отец поставил его греться, автоматически, даже не думая.

Освальд вернулся с коробкой суши, поставил на журнальный столик, плюхнулся на диван.

— Олли! Иди есть, остынет!

Оливер не двинулся.

Он смотрел на отца, который уже открывал крышку, выуживал палочки, примеривался к роллу с угрем. На лице у Освальда было написано полное, абсолютное, безмятежное счастье.

— Ты правда не будешь меня ругать? — спросил Оливер.

Освальд поднял голову.

— А ты правда думаешь, что я умею ругать?

Пауза.

— Нет, — сказал Оливер. — Не умеешь.

— Вот. А ты переживал.

Он сунул ролл в рот, зажмурился от удовольствия.

— М-м-м, Олли, это божественно. Иди сюда, пока я всё не съел.

Оливер сделал шаг.

Потом еще один.

Он сел на диван, на самый край, взял палочки. Разломил — неуклюже, одна палочка упала на пол.

Освальд молча протянул ему новую пару.

— Спасибо, — буркнул Оливер.

— Не за что.

Они ели в тишине. Телевизор бормотал что-то про кредиты. Дождь стучал по подоконнику.

Глава 5

Молчаливый друг

Всё началось с домашнего задания.

Оливер сидел за кухонным столом, перед ним лежал учебник математики и листок с примерами. Освальд мыл посуду — делал он это шумно, с плеском, напевая под нос какой-то старый хит.

— ...и твои глаза как два бриллианта...

— Пап, можно потише?

— А что, мешаю?

— Ты всегда мешаешь.

Освальд фыркнул, но петь перестал.

Минуты три было тихо. Потом он повернулся, вытирая руки о джинсы.

— Слушай, Олли, я тут подумал...

— Опасно.

— Остроумно. Я подумал: может, в выходные съездим куда-нибудь? Ну, типа, развеяться?

Оливер не поднял головы.

— У меня дела.

— Какие у восьмилетнего человека дела?

— Домашка. Друзья. Своя жизнь.

Освальд прислонился к столешнице.

— Олли, я понимаю, что ты злишься. Я не знаю на что, но вижу. Может, расскажешь?

— НЕТ.

— Почему?

— ПОТОМУ ЧТО ТЫ НЕ ПОЙМЕШЬ!

— А ты попробуй...

— ТЫ ВСЕГДА ТАК ГОВОРИШЬ! — Оливер вскочил.

— «Попробуй, расскажи, я пойму»! А сам даже слушать не умеешь! Ты просто киваешь и улыбаешься своей дурацкой улыбкой, и тебе вообще всё равно!

Освальд открыл рот. Закрыв.

— Мне не всё равно.

— ПРАВДА? А на что тебе не всё равно? На свою музыку? На свои дурацкие сериалы? На то, чтобы я не мешал тебе лежать на диване?

— Олли...

— Ты даже не спросил, почему я злой! Ты просто стоишь с этой лопаткой и ждешь, когда я сам всё расскажу, чтобы тебе не пришлось напрягаться!

Освальд сглотнул.

В кухне стало тихо. Слышно было, как за окном проехала машина. Как в холодильнике загудел мотор.

— Это неправда, — тихо сказал Освальд.

— Правда!

— Я напрягаюсь. Я постоянно... я стараюсь...

— Недостаточно!

Слово повисло в воздухе.

Оливер стоял напротив отца, сжав кулаки. Глаза блестели. Губы тряслись.

Освальд смотрел на него. На этого маленького злого мальчика, который дрожал от ярости, и внутри у него всё переворачивалось.

Он хотел подойти. Обнять. Сказать, что всё будет хорошо.

Но Оливер смотрел так, будто объятия будут предательством.

— Ладно, — сказал Оливер. Голос сел, осип. — Ладно. Я пошел.

— Олли...

— Всё равно ты ничего не сделаешь. Ты никогда ничего не делаешь.

Он выбежал из кухни.

Через секунду наверху хлопнула дверь.

Освальд остался стоять у плиты.

Лопатка валялась на полу. Яичница на сковородке превратилась в угли.

Он медленно опустился на стул — тот самый, на котором только что сидел Оливер. Положил руки на стол. Уткнулся лбом в ладони.

«Ты никогда ничего не делаешь».

Он выдохнул.

Вдохнул.

Выдохнул.

Наверху было тихо. Оливер не плакал — Освальд знал, что он не плачет при нем, никогда. Просто лежал там, в своей комнате, и ненавидел отца.

Или себя.

Или школу.

Или всё сразу.

Освальд не знал. Он действительно не знал. И это было хуже всего.

Я ничего не делаю.

Я правда ничего не делаю.

Я лежу на диване. Заказываю суши. Слушаю свою музы-

ку. Думаю, что этого достаточно.

А ему нужно что-то другое.

Ему нужен отец. Настоящий. Который умеет быть строгим. Который умеет слушать. Который умеет...

Он поднял голову.

Посмотрел в окно. За стеклом было темно. Только горел фонарь в соседском дворе.

Он не хочет меня видеть.

Он не хочет со мной говорить.

Но ему нужно, чтобы кто-то был рядом.

Кто-то, кто не будет лезть с разговорами.

Кто-то, кто просто... проводит до дома.

Кто-то...

Освальд замер.

Мысль пришла внезапно — яркая, простая и совершенно безумная.

Я могу превратиться.

В собаку.

Завтра. После школы. Пойти за ним. Просто идти рядом. Не подходить. Не лезть. Просто быть там.

Он даже не узнает.

Он подумает — бездомная собака. Мало ли их бегают.

А я буду рядом.

Просто рядом.

Освальд выпрямился.

Сердце стучало быстрее обычного. Идея была дурацкая.

Детская. Несерьезная.

Но внутри, под ребрами, шевельнулось что-то теплое. Как-кая-то надежда.

Завтра.

После школы.

Я пойду за ним.

Просто посмотрю, как он идет.

Убедись, что с ним всё в порядке.

И вернусь домой.

Он ничего не узнает.

А я... я хоть что-то сделаю.

Освальд посмотрел вверх, в сторону комнаты Оливера.

— Завтра, — шепнул он пустой кухне. — Завтра я тебя встречу.

Оливер вышел из школы последним.

Он всегда выходил последним в последние дни — специально, чтобы не идти ни с кем. Чтобы никто не лез с разговорами. Чтобы просто идти одному, пинать камни и думать о том, какой всё вокруг дурацкое.

Вчерашняя ссора висела на плечах рюкзаком с кирпичами.

«Ты никогда ничего не делаешь».

Он сказал это. Он правда это сказал.

И отец не ответил. Просто стоял и смотрел. Своими карими глазами, в которых не было злости. Только... Оливер не

знал что. Что-то, отчего внутри становилось еще хуже.

Он даже не обиделся нормально. Он просто стоял.

Ненавижу.

Нет, не ненавижу.

Не знаю.

Ненавижу, что не знаю.

Он пинал камень вдоль забора. Камень был хороший — серый, круглый, удобно ложился под ногу. Оливер вел его от самой школы, не давая укатиться в канаву.

Забор кончился. Начались частные дома с палисадниками.

Камень укатился под чью-то машину.

— Тьфу, — сказал Оливер.

И тут он ее заметил.

Собака сидела у столба напротив школы. Шоколадного окраса, лохматая, средних размеров. Обычная дворняга — из тех, что вечно трутся у магазинов в надежде на сосиску.

Она смотрела на Оливера.

Оливер посмотрел на нее.

— Чего тебе? — спросил он.

Собака моргнула.

Взгляд у нее был странный. Не собачий. Слишком... внимательный. Слишком человеческий. Оливер даже поежился.

— Брысь, — сказал он для верности.

Собака осталась сидеть на месте.

Она встала, отряхнулась и медленно побрела в его сторо-

ну. Не бежала, не виляла хвостом — просто шла. Как будто знала, что ей сюда.

Оливер попятился.

— Я сказал — брысь. У меня нет еды.

Собака остановилась в трех метрах. Села. И снова уставилась на него.

— Ты глухая, что ли?

Собака склонила голову набок. Одно ухо смешно заломилось.

Оливер хотел обойти ее и пойти дальше.

Но почему-то не пошел.

Вместо этого он сделал шаг вперед.

Собака не двинулась.

Еще шаг.

Собака вильнула хвостом. Один раз. Осторожно.

— Ты... — Оливер прищурился. — Ты чего ко мне привязалась?

Собака молчала. Она была собакой, в конце концов.

Оливер вздохнул и пошел дальше.

Собака пошла за ним.

Минут через пять Оливер понял, что за ним появился хвост.

Буквально.

Лохматое шоколадное чудо трусило метрах в пяти позади, не приближаясь, но и не отставая. Когда Оливер останавливался — останавливалась и она. Когда Оливер ускорял шаг

— ускорялась и она.

— Ты чего за мной ходишь? — обернулся Оливер.

Собака села и посмотрела на него.

— У меня правда нет еды. Я не вру.

Собака вздохнула. Очень по-человечески. Почти разочарованно.

— И что мне с тобой делать? — Оливер почесал затылок.

— Пошла домой.

Собака не пошла.

Она просто сидела и смотрела. Желтые глаза — Оливер только сейчас заметил, что они желтые, странный цвет для дворняги — внимательно следили за каждым его движением.

— Ты потерялась, что ли?

Собака моргнула.

— Ошейника нет. — Оливер прищурился, разглядывая лохматую шею. — Блохастая небось.

Собака фыркнула. Как будто обиделась.

Оливер хмыкнул.

— Ладно. Идем. Но если укусишь...

Собака встала и потрусилась за ним.

Дальше они шли вместе.

В смысле, Оливер шел по тротуару, а собака — чуть сбоку, по обочине, периодически нюхая столбы и кусты. Но не отставала.

На перекрестке Оливер остановился перед светофором.

Собака остановилась рядом.

Светофор загорелся зеленым.

Оливер пошел.

Собака пошла.

— Слушай, — сказал Оливер, когда они проходили мимо магазинчика с вывеской «Всякая всячина». — Ты реально меня поняла? Про светофор?

Собака подняла голову и посмотрела на него.

Взгляд был очень выразительный.

Конечно поняла, чего ты тужишь.

Оливер моргнул.

— Тебя кто-то дрессировал, что ли? Ты слишком умная для дворняги.

Собака ничего не ответила. Просто ткнулась носом в его ладонь — быстро, будто случайно — и снова пошла вперед.

Нос был холодный и влажный.

И почему-то это было... приятно.

— Эй, — сказал Оливер. — Ты меня не облизывай. Я не люблю слюни.

Собака посмотрела на него с таким видом, будто говорила: *«Да кому ты нужен оближивать?»*.

Оливер фыркнул.

Они прошли еще квартал.

Собака держалась рядом. Иногда убегала вперед, обнюхивала угол, возвращалась. Иногда отставала, чтобы пометить

куст — Оливер отворачивался, потому что это было неловко.

И всё время она была рядом. Не лезла под ноги. Не просила есть. Не гавкала. Просто шла.

Как будто провожала.

Как будто ей было важно, чтобы Оливер дошел до дома целым.

— Странная ты, — сказал Оливер, когда они подошли к его улице. — Я даже не знаю, как тебя звать.

Собака посмотрела на него.

— Может, Шоколадка? Ты шоколадная.

Собака чихнула.

— Не нравится? Ну, Брауни? Тоже нет? — Оливер задумался. — А, может... Шок? Нет, глупо.

Собака смотрела с легкой насмешкой. Оливер мог поклясться, что насмешка была настоящей.

— Сам дурак, — буркнул он. — И имя тебе не нужно. Ты не моя.

Он остановился у калитки.

Собака остановилась тоже.

— Ну всё. Я пришел. Ты свободна.

Собака не уходила.

Она села напротив калитки и посмотрела на дом. Зеленый двухэтажный. Свет на кухне не горел — отец, наверное, опять лежал на диване и смотрел телевизор.

— Иди, — сказал Оливер. — Чего сидишь?

Собака посмотрела на него.

Потом на дом.

Потом снова на него.

Потом на дом.

Потом снова на него.

Оливер стоял у калитки и смотрел на собаку.

Она сидела на тротуаре, лохматая, шоколадная, с этими странными желтыми глазами, которые смотрели на него слишком внимательно. Слишком по-человечески.

— Ну всё, — сказал Оливер. — Я пришел. Ты свободна.

Собака не уходила.

— Иди, — он махнул рукой. — Чего сидишь?

Собака посмотрела на него.

Потом на дом.

Потом снова на него.

И вдруг — Оливер даже не успел моргнуть — она рванула с места.

Резко. Быстро. Как будто за ней гнались.

Шоколадная молния метнулась через дорогу, перепрыгнула чью-то невысокую изгородь и исчезла за углом соседнего дома.

— Эй! — крикнул Оливер. — Ты куда?

Тишина.

Только ветер шуршал опавшими листьями.

Оливер постоял, глядя на пустой угол. Почему-то внутри кольнуло. Глупо, конечно. Собака как собака. Бездомная. Мало ли их бегают.

Но она шла с ним полчаса. Не отставала. Смотрела так, будто понимала каждое слово.

А теперь убежала.

Как будто испугалась.

Как будто ей нельзя было здесь быть.

— Странно, — сказал Оливер вслух.

Он постоял еще немного, потом пожал плечами и открыл калитку.

Оливер подошел к двери.

Достал ключ.

Вставил в замок.

Повернул.

Замок не открылся.

Оливер нахмурился. Вытащил ключ. Посмотрел на него. Посмотрел на дверь. Снова вставил.

Замок был заперт изнутри.

— Пап? — крикнул Оливер, постучав.

Тишина.

— ПАП?

Ничего.

Оливер постучал сильнее. Кулаком. Потом ладонью.

— Эй! Открывай! Я есть хочу!

Тишина.

Внутри, за дверью, было тихо. Ни шагов, ни голоса, ни телевизора.

Оливер прижался ухом к дереву.

Ничего.

— Да что за... — он отступил на шаг и посмотрел на окна.

На кухне темно. В гостиной тоже. Только на втором этаже, в спальне отца, горел свет.

— Пап! — заорал Оливер изо всех сил. — Ты там? Открой дверь!

Никто не открывал.

Оливер постоял на крыльце. Ветер дул в спину. Начинало темнеть.

— Ладно, — сказал он себе. — Подожду.

Он сел на ступеньку.

Прошла минута.

Две.

Пять.

Оливер уже начал думать, что придется лезть через забор на задний двор и стучать в окно, когда внутри что-то щелкнуло.

Замок повернулся.

Дверь открылась.

На пороге стоял Освальд.

Он был... Оливер не сразу понял, что именно не так.

Отец дышал тяжело, как будто только что пробежал марафон. Грудь ходила ходуном под красной рубашкой. Лицо блестело от пота — на лбу, на висках, даже на верхней губе выступили капли.

Волосы — эти вечно лохматые кудри — сейчас были просто мокрыми. Прилипли ко лбу, к затылку, торчали сосульками.

И рубашка.

Она была застегнута неправильно.

Пуговицы не совпадали с петлями. Верхняя пуговица была во второй петле, нижняя болталась вообще без пары, и воротник торчал в разные стороны, как крылья у мертвой чайки.

Штаны тоже сидели криво. Ремень болтался, язычок торчал в сторону, ширинка была застегнута только наполовину.

— Пап? — Оливер уставился на него. — Ты чего?

Освальд выдохнул.

Шумно. С хрипом.

— Олли, — сказал он. Голос сел, как будто он только что орал илипил холодную воду. — Ты... ты уже здесь?

— Я пять минут стучу. Ты где был?

— Я... — Освальд моргнул. Посмотрел в сторону лестницы. Потом на свои руки. Потом снова на Оливера. — В душе был.

— В душе?

— Ага.

— С одеждой?

Освальд посмотрел на свою рубашку. На неправильные пуговицы. На мокрые волосы.

— Я... — он сглотнул. — Я уснул. В ванной. А потом услышал стук и... побежал открывать.

— Ты уснул в душе?

— В ванной. В ванной, не в душе. Я лежал в ванной и уснул. Вода остыла, я замерз, проснулся, услышал стук...

— У тебя волосы мокрые.

— Да, я же сказал — я был в ванной.

— А почему рубашка мокрая?

Освальд посмотрел на рубашку.

Рубашка действительно была мокрой. Темные пятна расползлились по груди, по плечам. На спине, наверное, тоже.

— Я... — он замялся. — Я в рубашке в ванную пошел.

Торопился очень. Спать хотел.

Оливер смотрел на него.

На потное лицо.

На мокрые волосы.

На криво застегнутую рубашку.

На штаны с полуоткрытой ширинкой.

— Ты странный, — сказал Оливер наконец.

— Я? — Освальд попытался улыбнуться. Улыбка вышла дерганая, как будто он забыл, как это делается. — Я нормальный. Просто сонный. Заходи, холодно.

Он отступил в сторону, пропуская Оливера.

Оливер вошел.

В прихожей пахло... чем-то. Сыростью? Потом? И еще чем-то знакомым, чем пахнет от отца, когда он много двигается. Оливер не мог подобрать слово.

— Ты бегал? — спросил он, снимая кеды.

— Что?

— Бегал. Ты весь мокрый и запыхался.

— А, это... — Освальд потер шею. — Я по лестнице бегал.

Туда-сюда. Когда ты стучал.

— По лестнице?

— Упражнения делал. Домашняя тренировка. Знаешь, полезно для здоровья. Сердце качать.

— Ты?

— Я.

— Ты тренируешься?

— Иногда.

— Я ни разу не видел.

— Ну, ты в школе. А я тут... тренируюсь. Один.

Оливер посмотрел на него долгим взглядом.

Освальд выдержал этот взгляд секунд пять, потом отвернулся и начал возиться с пуговицами — перестегивать правильно.

— Ладно, — сказал Оливер. — Я есть хочу.

— Ага. Я тоже. Давай закажем что-нибудь? Я сегодня готовить не...

Он не договорил.

Потому что Оливер вдруг шагнул к нему и принялся.

— Ты чем пахнешь? — спросил он.

— Чем?

— Не знаю. Улицей. Как будто на улице был.

— Я? Нет. Я дома весь день.

— Правда?

— Правда.

Освальд улыбнулся. Теперь улыбка получалась лучше — почти нормальная.

Оливер смотрел на него еще секунду, потом пожал плечами.

— Ладно. Заказывай пиццу. Я наверх.

— Давай.

Оливер пошел к лестнице.

На первой ступеньке остановился.

— Пап?

— М?

— Ты это... штаны застегни.

Освальд посмотрел вниз.

Дернулся.

— А, да. Спасибо.

— Не за что.

Оливер пошел наверх.

Освальд проводил его взглядом, потом закрыл дверь, прислонился к ней спиной и выдохнул.

Длинно. Шумно. С облегчением.

— Боже, — шепнул он. — Боже, боже, боже.

Он провел рукой по лицу. Пот был холодный. Пальцы дрожали.

За окном темнело. На тротуаре напротив калитки, там, где всего пару минут назад сидела шоколадная собака с желтыми глазами, теперь валялся только смятый чек от автобуса.

— Черт, — выдохнул он.

И поплелся на кухню — заказывать пиццу и делать вид, что всё нормально.

Глава 6

Всё прекрасно.

До одного дня

С четырнадцатого числа у Оливера появилась традиция.

После школы его ждала собака.

Она всегда сидела на одном и том же месте — у школьных ворот, напротив старого дуба. Шоколадная, лохматая, с желтыми глазами, которые смотрели слишком внимательно. Оливер перестал удивляться уже на третий день.

Они гуляли.

Сначала просто шли рядом — собака чуть сбоку, Оливер по тротуару. Потом Оливер начал разговаривать. Сначала про школу, про дурацкие контрольные, про Тимми Бейкера, который вечно лезет не в свое дело.

Потом — про отца.

— Он сегодня опять на диване лежал, когда я уходил, — сказал Оливер как-то в парке, кидая палку. Собака принесла, положила у ног. — Даже не встал пожелать удачи. Просто рукой махнул из-за пледа.

Собака смотрела на него.

— И боксеры эти дурацкие, — продолжал Оливер, садясь на скамейку. — С миньонами. Кто в двадцать семь лет носит боксеры с миньонами? Ему же не семь.

Собака положила голову ему на колени.

— А вчера он спросил, как у меня дела. Я сказал «нор-

мально». Он кивнул и ушел смотреть телик. Даже не спросил, что именно нормально. Просто «нормально» — и достаточно.

Пауза.

— Думаешь, ему правда всё равно?

Собака лизнула его руку.

— Ты добрая, — вздохнул Оливер. — Ты всегда слушаешь. Не то что некоторые.

В другой раз, когда они сидели на траве у заброшенного теннисного корта, Оливер говорил о другом:

— Знаешь, что он смешной? Он думает, что я не замечаю. Что он вечно странный приходит. То потный, то мокрый, то рубашка криво застегнута. На прошлой неделе дверь открывает — дышит как паровоз, волосы мокрые, на кедах грязь. Говорит, в душе уснул. В пять вечера.

Собака наострила уши.

— И врун еще тот. Говорит, тренируется дома. Я ни разу не видел, чтоб он тренировался. Он только на диване тренируется — пальцем в телефоне листать.

Собака чихнула.

— И музыка у него дурацкая, — добавил Оливер. Он врубает на кухне и подпевает. Думает, что я не слышу. А я слышу. Я всё слышу.

Пауза.

— Но иногда... — Оливер помолчал. — Иногда он нормальный. Ну, когда не бесит. Вчера пиццу заказал с моей

любимой начинкой. Сам вспомнил. Я не говорил.

Собака вильнула хвостом.

— И он... ну, он старается. Наверное. Просто у него тупо не получается. А я злюсь, потому что...

Оливер не договорил.

Они сидели молча, пока не стемнело.

Бывали дни, когда Оливер просто молчал.

Они шли по улицам, собака рядом, и Оливер не говорил ни слова. Только иногда вздыхал. Иногда пинал камешки. Иногда останавливался и смотрел куда-то вдаль, а собака сидела рядом и ждала.

В такие дни собака просто была рядом.

Не лезла. Не отвлекала. Шла чуть сзади, провожала до калитки и смотрела, как он заходит в дом.

На прощание Оливер всегда трепал ее по голове.

— Завтра увидимся?

Собака лизала руку.

— Договорились.

Были дни, когда Оливер злился.

Очень.

— Он сегодня вообще не вышел из комнаты! — выпалил Оливер, когда они отошли от школы на безопасное расстояние. — Сказал, работа. Какая работа, если он биолог? Он из дома работает! Просто сидит в телефоне!

Собака шла рядом, прижав уши.

— Я ему: «Пап, помоги с проектом». А он: «Потом, Олли,

я занят». А сам в телефоне ленту листает. Я видел!

Оливер пнул камень. Камень улетел в кусты.

— И так всегда. Всегда «потом». Всегда «давай закажем». Всегда «не сейчас». А когда это «сейчас» наступит? Когда мне восемнадцать будет?

Собака ткнулась носом в его ладонь.

— Не утешай, — буркнул Оливер, но руку не убрал. — Просто... я не знаю. Я думал, с отцом будет по-другому. В кино вон показывают — отцы с сыновьями в футбол играют, на рыбалку ходят. А мы? Мы пиццу вместе едим. И всё.

Он замолчал.

Собака смотрела на него желтыми глазами.

— Ты не понимаешь, — вздохнул Оливер. — Ты собака. Тебе лишь бы поесть и погулять.

Собака чихнула.

— Ладно, идем. Уже поздно.

А иногда Оливер говорил странное.

— Знаешь, — сказал он однажды, когда они сидели на лавочке у пруда. — Иногда мне кажется, что я тебя знаю.

Собака подняла голову.

— Ну, не знаю, как объяснить. Ты смотришь на меня — и я будто понимаю, что ты думаешь. Глупо, да? Ты же собака.

Собака моргнула.

— Но вот сейчас, например. Ты смотришь так, будто хочешь сказать что-то важное. А не можешь.

Пауза.

— Было бы круто, если б ты говорила. Я б тогда знал, что делать.

Собака вздохнула. Очень по-человечески.

— Ладно, — Оливер встал. — Пошли домой. Темнеет.

Они пошли.

У калитки Оливер, как обычно, потрепал собаку по голове.

— Завтра?

Собака лизнула руку.

И Оливер зашел в дом, не оборачиваясь.

А собака сидела на тротуаре, смотрела на свет в окне и думала.

Он злится на меня.

Он думает, что мне всё равно.

Он не знает, что я здесь. Рядом. Всегда.

Он не знает, что это я.

И я не могу сказать.

— Пап?

— На кухне! — донеслось оттуда.

Оливер скинул кеды (оба приземлились рядом, почти ровно) и рванул на запах.

Освальд стоял у плиты.

В фартуке.

В красной рубашке, поверх которой был надет дурацкий фартук с надписью «Kiss the Cook». На сковородке шипело мясо — настоящее мясо, большие куски, с корочкой и лу-

ком. В кастрюле рядом булькала картошка. На столе уже стояла тарелка с овощами, порезанными ровными дольками.

— Ты чего? — выдохнул Оливер.

— Ужин готовлю, — Освальд ловко перевернул мясо лопаткой. — Садись, сейчас будет готово.

— Но ты никогда...

— Сегодня особенный день.

Оливер сел за стол. Смотрел, как отец колдует над сковородкой, как посыпает мясо специями из каких-то баночек, как помешивает картошку.

— Какой особенный? — спросил он подозрительно.

— Тридцатое сентября.

— И что?

— Ничего. Просто захотелось нормально поесть. А не пиццу.

Оливер хмыкнул.

— Ты умеешь готовить?

— Я много чего умею. Просто ленюсь.

— Честно.

— Честно.

Освальд поставил перед ним тарелку.

Мясо было идеальное. С хрустящей корочкой, сочное внутри, с луком, который карамелизировался до золота. Картошка — мягкая, с укропом. Овощи свежие, хрустящие.

Оливер откусил кусок и зажмурился.

— Офигеть.

— Ешь давай.

Они ели молча. Хорошо ели. С аппетитом. Оливер управился с первой порцией за пять минут и потянулся за добавкой.

— Вкусно, — сказал он с набитым ртом.

— Спасибо.

— Правда вкусно. Ты мог бы чаще готовить.

— Мог бы, — согласился Освальд. — Но тогда бы я перестал быть ленивым, а это моя основная черта характера.

Оливер фыркнул.

— Ленивый — не черта характера. Ленивый — это диагноз.

— Оскорблять отца за его же ужином — новый уровень наглости.

— Я не оскорбляю. Я констатирую.

Освальд улыбнулся — своей обычной дурацкой улыбкой.

— Ладно, констатировщик. Ешь давай.

Оливер ел.

Вкусно было нереально. Он даже не подозревал, что отец так умеет. Все эти две недели — пицца, суши, доставка, иногда яичница. И вдруг — такое.

— Слушай, — сказал Оливер, доедая вторую порцию. — А мясо где взял? Оно дорогое, наверное.

— В магазине.

— Я понял, что в магазине. Но оно же...

— Олли, — перебил Освальд. — Я работаю. Я не нищий.

Просто обычно мне лень готовить. Сегодня не лень.

Оливер посмотрел на него.

— Ты какой-то странный сегодня.

— Я? Нормальный.

— Нет, ты улыбаешься, но по-другому.

Освальд моргнул.

— Как?

— Не знаю. Как будто ты... ну, не здесь. Как будто думаешь о чем-то.

Освальд отложил вилку.

— Вообще-то, — сказал он, — я сегодня вечером уйду ненадолго.

Оливер замер.

— Куда?

— В поле.

— В какое поле?

— За городом есть одно место. Я там сейчас... ну, исследования провожу.

— Исследования?

— Я же биолог теперь, забыл? Временно. Надо понаблюдать кое-что.

Оливер смотрел на него с растущим подозрением.

— Кого?

— Что?

— Наблюдать за кем?

Освальд замялся.

— Ну... за животными.

— За какими?

— Разными.

— Например?

— Олли, это скучно.

— А мне интересно.

Освальд вздохнул.

— Ну, например, за енотами.

Оливер моргнул.

— За енотами?

— Да.

— Ты идешь в поле ночью смотреть на енотов?

— Они ночные животные.

— И что ты хочешь узнать? Как они мусор роют?

Освальд открыл рот. Закрыл.

— Там... ну, миграция. Я изучаю их маршруты.

— Миграция енотов.

— Да.

— Еноты мигрируют?

— Ну... некоторые.

Оливер смотрел на него.

Освальд смотрел в тарелку.

И вдруг Оливер засмеялся.

Громко. Заливисто. В голос.

— Ты... ты серьезно? — выдавил он сквозь смех. — ЕНО-

ТЫ? Ты пойдешь в поле ночью смотреть на ЕНОТОВ?

— Они интересные животные, — пробормотал Освальд в тарелку.

— Ты придумал это на ходу?

— Нет!

— Правда?

— Ну... может, немного.

Оливер смеялся так, что чуть не упал со стула.

Освальд смотрел на него и не знал, смеяться ему или обижаться.

— Олли, прекрати.

— Не могу! — Оливер вытирал слезы. — Ты... ты мой папа-биолог, который сейчас изучает енотов! Ночью! В поле! Это же...

— Я биолог, — напомнил Освальд.

— Который изучает ЕНОТОВ!

— Олли!

— Ладно, ладно, — Оливер отдышался. — Иди, изучай своих енотов. Только не принеси блох.

— Еноты не переносят блох.

— Откуда ты знаешь? Ты же их только изучать собрался.

Освальд вздохнул.

Он посмотрел на часы. Встал из-за стола.

— Ладно, мне пора. Если выйду поздно — ничего не увижу.

— Ага, еноты спят, — хихикнул Оливер.

— Олли.

— Молчу-молчу.

Освальд снял фартук, накинул куртку. Подошел к двери.

— Ты посуду помоешь? — спросил он.

— Ага.

— Честно?

— Ну, не знаю. Может, утром.

— Олли.

— Ладно, помою. Иди уже к своим енотам.

Освальд улыбнулся — теперь уже нормально, тепло.

— Спокойной ночи.

— Ага.

Дверь закрылась.

Оливер посидел за столом еще минуту, доедая последний кусок мяса.

— Еноты, — повторил он вслух и снова фыркнул. — Ну отец дает.

Он встал, собрал тарелки, поставил в раковину. Включил воду. Намылил губку.

Потом вспомнил, что хотел посмотреть телевизор, и решил, что посуда подождет.

Он прошел в гостиную, плюхнулся на диван, нашел пульт.

Телевизор зажужжал, загорелся.

Оливер переключал каналы, не особо вникая.

Потом вспомнил.

— Сумка, — сказал он вслух.

На журнальном столике стояла сумка отца. Та самая, с ко-

торой он ходил на «исследования». Темно-зеленая, потерявшая.

Оливер вскочил, подбежал к двери, распахнул ее.

— ПАП! — крикнул он в темноту. — ТЫ СУМКУ ЗАБЫЛ!

Тишина.

Только ветер шуршал листьями. Только фонарь мигал у соседей.

— ПАП!

Никого.

Оливер постоял на крыльце, вглядываясь в темноту.

Улица была пуста.

— Странно, — пробормотал он. — Быстро ушел.

Он зашел обратно, закрыл дверь.

Посмотрел на сумку.

— Ну и ладно, — пожал плечами. — Сам виноват.

Он вернулся на диван, уткнулся в телевизор.

На экране шла какая-то старая комедия. Оливер смотрел, но не видел.

В голове крутилось: *ено-о-оты. Исследователь блин.*

Он улыбнулся и поджал ноги.

Телевизор бормотал.

За окном шумел ветер.

Оливер и не заметил, как провалился в сон прямо на диване.

А в поле за городом, в темноте, под луной, шоколадная собака с желтыми глазами бежала через высокую траву.

Свободная.

Счастливая.

И совсем-совсем не изучающая енотов.

Луна висела над горизонтом огромная, желтая, почти круглая.

Собака бежала через высокую траву.

Шерсть развевалась на ветру, лапы пружинили от земли, и мир вокруг пах так, как человеку никогда не понюхать. Мокрой землей. Норами мышей. Зайцем, который пробежал тут час назад. Дымом от костра где-то далеко.

Освальд любил это.

Здесь он не был биологом. Не был отцом. Не был тем дураком в красной рубашке, который вечно всё портит.

Здесь он был просто собакой.

Он бежал.

По полю, через лесополосу, обратно в поле. Круг за кругом. Просто чтобы чувствовать, как работает тело, как дышат легкие, как ветер свистит в ушах.

Иногда он останавливался. Прислушивался. Нюхал воздух.

Сова ухнула где-то слева. Мышь пискнула в траве — тонко, испуганно. Освальд фыркнул и побежал дальше.

Мышей он не ловил.

Во-первых, он вообще-то врач, как-то несолидно. Во-вто-

рых, сырые мышцы — это не гигиенично. В-третьих, он просто не хотел.

Ему нравилось бежать.

Нравилось, как луна освещает поле.

Нравилось, что в такие минуты он ни о чем не думает.

Оливер лежал на диване и смотрел телевизор.

Комедия была старая и дурацкая — какие-то дядьки бежали и падали в бассейн. Оливер смеялся, хотя шутки были глупые.

На журнальном столике стояла пустая тарелка из-под мяса — он так и не помыл посуду, забил.

Телевизор бормотал.

Оливер зевнул.

Потом вспомнил.

Компьютер.

Он сел.

У отца был компьютер. Мощный. Освальд говорил, что он «для работы», но Оливер видел, какие там игры. Красивые. Дорогие. Те, про которые в школе рассказывали, но никто не мог поиграть, потому что компы у всех слабые.

Оливер встал.

Подошел к двери в кабинет.

Остановился.

Нельзя. Папа не разрешал.

Но папы нет.

До утра.

Оливер постоял еще секунду.

Потом открыл дверь.

Кабинет был маленький. Стол, стул, компьютер. На полках какие-то книги по медицине, которые Освальд никогда не читал. На подоконнике — кактус, который Освальд поливал раз в месяц, и кактус как-то выживал.

Оливер нажал на кнопку.

Компьютер зажужжал, засветился, загрузился.

На рабочем столе были иконки. Много иконок.

Steam. Epic Games. Еще какие-то лаунчеры.

Оливер кликнул.

И пропал.

Собака лежала на пригорке и смотрела на луну.

Шерсть была мокрая от росы, но тепло — он набегался, разогрелся. Сердце билось ровно, спокойно.

Он думал об Оливере.

О том, как тот смеялся за ужином. Как назвал его «исследователем енотов». Как сказал «спокойной ночи».

Он смеялся. По-настоящему.

Он не злился.

Может, всё налаживается?

Собака зевнула и положила голову на лапы.

Можно было поспать тут, под луной. Но надо возвращаться. До утра.

Он встал, отряхнулся и побежал обратно.

— Ух-ты, — сказал Оливер в полной тишине.

На экране была такая графика, что у него глаза разбежались. Тени, отражения, детали — всё как в кино. Он гонял персонажа по полю, прыгал, стрелял, и игра даже не тормозила.

—ух-ты.., — повторил он.

Он просидел в этой игре часа два. Потом открыл другую. Потом третью.

У отца было всё.

Все игры, о которых говорили в школе. Все новинки. Все дорогие штуки, которые Оливер даже не просил, потому что знал — дорого.

А у отца они просто были. Лежали в библиотеке.

Оливер кликал, запускал, пробовал.

В какой-то момент он залез в корзину и увидел там чеки. Цифры были такие, что у него челюсть отвисла.

— Сколько он потратил? — прошептал Оливер. — На игры?

Он сидел, смотрел на цифры, и внутри что-то шевелилось.

Он покупал это для себя?

Или...

Нет, бред. Для меня он даже не знает, что я люблю.

Но откуда тогда столько игр?

Оливер помотал головой и вернулся к геймплею.

Собака бежала по лесу.

Не быстро, трусцой. В темноте было хорошо — глаза видели отлично, нос ловил каждый запах. Где-то справа спали птицы. Слева прошла лиса, оставив густой, терпкий след.

Освальд остановился у ручья.

Попил воды.

Посмотрел на свое отражение.

Собака с желтыми глазами смотрела на него из воды.

Я устал, — подумал он. — Но домой пока не хочется.

Там Олли спит.

А здесь... здесь я просто я.

Он посидел у ручья, слушая ночь.

Потом встал и побежал дальше.

Оливер вышел из кабинета на ватных ногах.

Глаза слипались, но внутри всё горело от впечатлений. Он столько всего попробовал! Столько всего увидел!

Телевизор в гостиной всё еще работал — старая комедия давно кончилась, теперь шла какая-то передача про рыбалку.

Оливер плюхнулся на диван.

— Ща посплю, — пробормотал он. — Минуточку.

Он закрыл глаза.

Телевизор бормотал про снасти и наживку.

Оливер провалился в сон за три секунды.

Небо на востоке начало светлеть.

Собака стояла на краю поля и смотрела на приближающийся рассвет.

Он устал. Лапы гудели, язык вывалился, шерсть была вся в репьях и грязи.

Но хорошо.

Так хорошо, как не бывает в человеческой шкуре.

Он постоял еще немного, впитывая последние минуты ночи.

Потом развернулся и побежал домой.

Пора превращаться обратно. Залезать в окно. Мыться. Переодеваться. И делать вид, что он просто рано встал и уже готовит завтрак.

Оливеру в школу.

А Оливер...

Оливер спит на диване, наверное. Смотрел телик и уснул.

Освальд улыбнулся по-собачьи — высунул язык.

Хороший мальчик.

Мой мальчик.

Он побежал быстрее.

Впереди метнулся енот. Освальд прибавил скорость, не думая — просто так быстрее. Енот свернул к дороге, Освальд за ним. Кусты кончились, под лапами оказался асфальт.

Свет фар. Гудок.

Он не успел...

Глава 7

Необычный взрослый

Оливер проснулся оттого, что затекло плечо. Он лежал в странной позе — свернувшись калачиком на самом краю кровати, вцепившись в подушку так, будто она могла защитить от всего, что таилось в темноте. За окном светлело, но солнца не было. Облака висели низкие, тяжёлые, готовые пролиться холодным октябрьским дождем.

Он прислушался. Тишина. Ни шагов внизу, ни звяканья посуды, ни голоса, который за последний месяц почти привычно бубнил: «Олли, завтрак готов».

Освальд не вернулся.

Оливер сел на кровати. В груди образовалась холодная, вязкая пустота. Не страх. Не обида. Что-то хуже — привычность. Ну вот, снова. Бабушка в коме, отец исчез. Остался один, как всегда. Он медленно, механически натянул джинсы, вчерашнюю футболку, сунул ноги в тапочки.

Он вышел в коридор. Дверь в комнату Освальда была распахнута настежь — пустая, неубранная постель, скомканное одеяло на полу. В доме пахло сыростью и чем-то еще — металлическим, сладковатым, тревожным. Оливер сжал челюсти и начал спускаться вниз на кухню.

Он увидел его сразу.

Освальд сидел за кухонным столом, ссутулившись, уронив голову на сложенные руки. Его пальцы были сжаты в кулаки, костяшки побелели. На столе перед ним стояла нетро-

нутая кружка с чем-то темным — чай, остывший уже много часов назад. И тишина.

Оливер замер на нижней ступеньке.

— Эй... — его голос сорвался, вышел сиплым, почти чужим. Он не знал, как назвать этого человека. Все месяцы — «ты», неловкое, обтекаемое, без имени. Но сейчас даже это застряло в горле.

Освальд дернулся. Медленно, с усилием поднял голову.

И Оливер увидел.

Это было хуже, чем он представлял.

Губа — рассечена, запекающаяся корка темной крови тянулась от уголка рта к подбородку. Под левым глазом расплылся лилово-багровый синяк, веко припухло, почти заплыло. Волосы — обычно мягкие, кудрявые, чуть взлохмаченные — сейчас висели грязными, спутанными патлами, в них застряли сухие травинки и комочки земли. На скуле — длинная, рваная царапина, свежая, еще влажная. И лицо... лицо было серым, изможденным, с темными кругами, провалившимися глазами. Он будто постарел на десять лет за одну ночь.

Но самое страшное — его взгляд. Не желтый, не дикий. А пустой, потухший, устремленный куда-то сквозь Оливера, сквозь стены, в ту черноту, откуда он только что вернулся.

Оливер почувствовал, как к горлу подкатывает ком. Не жалость. Нет. Страх. Животный страх, от которого холодеют пальцы и немеют губы.

— Ты... — выдохнул он, не в силах отвести взгляд от этого разбитого, чужого лица. — Ты где был?

Освальд моргнул, будто выныривая из глубокого омута. Его губы шевельнулись — он поморщился от боли, потрогал рассеченную губу пальцем, посмотрел на кровь, выступившую снова. Потом перевел взгляд на Оливера, и в его глазах мелькнуло что-то живое — узнавание, вина, отчаяние.

— Я же говорил... — голос был хриплым, простуженным, едва слышным. — На исследования. В поле.

Он попытался улыбнуться — своей обычной, натянутой улыбкой, которой прикрывал всё: страх, боль, неловкость. Но улыбка вышла кривой, губа снова разошлась, и тонкая струйка алого потекла по подбородку. Он вытер ее тыльной стороной ладони, размазав по щеке.

Оливер смотрел на эту кровь, на эту жалкую попытку сделать вид, что всё нормально, и внутри него что-то взорвалось. Страх трансформировался в ярость — единственное оружие, которое он знал.

— В поле? — его голос зазвенел, срываясь на фальцет. — Тебя что, еноты там побили?!

Освальд замер. Его разбитое лицо на миг исказилось. Это был тихий, надрывный, болезненный кашель-смех, вырывающийся из груди вместе с хрипами. Он затрясся, схватился за ребра (они, кажется, тоже болели), и из его глаз брызнули слезы — то ли от смеха, то ли от боли, то ли от бесконечной, всепоглощающей усталости.

— Еноты... — выдохнул он, давясь смехом и кровью. — Боже, Олли... если бы это были просто еноты...

Он уронил голову на руки и продолжил смеяться — беззвучно, сотрясаясь всем телом. Его плечи ходили ходуном.

Оливер смотрел на это и чувствовал, как земля уходит из-под ног.

Это было неправильно. Всё неправильно. Освальд должен был отшучиваться, неловко улыбаться, переводить тему. Он не должен был смеяться над собой с разбитым ртом и синяком во всю скулу. Он не должен был выглядеть так, будто его переехали, а потом заставили ползти домой сквозь лес. Он не должен был...

— Ты чего смеешься?! — закричал Оливер. Его голос сорвался, стал тонким. — Ты весь в крови! У тебя лицо разбито! Ты... ты...

Слова кончились. Он стоял посреди кухни, сжимая кулаки, и чувствовал, как предательски защемило в носу. Он не будет плакать. Не будет. Он не маленький. Ему плевать. На Освальда, на его ночные похождения, на его дурацкие синяки и на этот противный смех! Но, а что же было на самом деле?.. А если Освальду было очень страшно или больно? Нет. Всё равно на него, почти всё равно.

— Всё хорошо, — прохрипел Освальд, поднимая голову. Его лицо было мокрым дождем, который, видимо, застал его ночью. Но он снова пытался улыбаться — уже не натянуто, а с какой-то отчаянной, безнадежной лаской. — Правда, Ол-

ли. Всё хорошо. Я просто... неудачно упал. В овраг. Темно было, скользко. Ничего страшного.

— Ничего страшного? — Оливер отступил на шаг. — У тебя пол-лица в фингалах! Ты ходишь, как зомби! Что с тобой такое?!

Освальд сжал челюсти. В его глазах мелькнула тень — предупреждение.

— Олли, не сейчас. Пожалуйста. Я устал. Я... мне нужно отлежаться. Вечером всё объясню. Обещаю.

— Врешь, — прошипел Оливер. — Ты всегда врешь.

Он отвернулся. Смотреть на это разбитое, виноватое лицо больше не было сил. В груди kloкотало что-то темное, горячее — смесь страха, злости и еще одного, самого страшного чувства, которое он отказывался признавать. Жалости. Он жалел этого чужого, неловкого человека, который притащился на рассвете избитый и грязный, и настолько изнеможенный, что даже не в состоянии принять душ.

— Я гулять, — бросил Оливер, хватая с вешалки свою красную безрукавку.

— Олли, сейчас дождь будет... — Освальд попытался встать, но резко побледнел и схватился за стол. Видимо, ходьба тоже давалась ему с трудом.

— А мне плевать! — крикнул Оливер уже от двери. — Сиди тут со своими енотами! Может, они тебя еще раз побить придут!

Он резко открыл дверь, выскочил на крыльцо и побежал.

Не по дорожке к калитке, а сразу через газон, обогнув гараж, туда, к забору, чтобы сократить путь. Холодный ветер ударил в лицо, первые капли дождя упали на щеки, холодно и мокро, но не страшно.

Он бежал, пока хватало дыхания. Пока не оказался под навесом дешёвого кафе, где кроме молодого бариста никого не было. Тогда сев за самый непримечательный столик, он начал плакать.

Он плакал не от жалости. Он плакал от страха. Потому что врал сам себе. Потому что ему было не всё равно. Потому что этот странный, неуклюжий человек с разбитой губой и виноватыми глазами — его папа, и он, кажется, втянут во что-то страшное и ему от этого больно физически.

А еще потому, что глубоко внутри, там, где даже себе страшно признаться, Оливер уже знал правду. Ту самую, которую Освальд так отчаянно скрывал, прикрываясь дурацкими улыбками и неуместными шутками.

Он просто не хотел ее принимать. Пока не хотел.

Оливер сидел на своём столике уже который час, до костей продрогший, но не желавший признавать поражение. Он пялился в ту сторону кустов, откуда в прошлый раз появилась она. Темная собака с желтыми глазами. Сегодня она ему была нужна как никогда. Как доказательство. Как опора в мире, где единственный взрослый рядом оказался грязным, избитым лжецом.

Но собаки не было. Кусты оставались неподвижными.

Только ветер шелестел пожухлой листвой. Внутри у Оливера все больше сжималось в холодный, злой комок. Его бросили все. Сначала бабушка (хоть и не по своей воле), теперь этот... Освальд, оказавшийся никчемным, а теперь и собака, его единственный союзник в этом абсурде.

Сумерки сгущались, окрашивая небо в сиреневый цвет. Становилось по-настоящему страшно возвращаться в тот пустой, пахнувший болью дом. Но идти было некуда.

И тут, на дальнем конце аллеи, ведущей от их улицы, он увидел фигуру.

Это был Освальд. Он шел медленно, заметно прихрамывая, в той же грязной, помятой куртке. Но он был чист — видно, что умывался, даже попытался причесать влажные волосы. Разбитая губа и синяк под глазом теперь выглядели еще контрастнее на бледном, вымытом лице. Он выглядел... жалко. Не страшно, а именно жалко. И он явно искал Оливера. Его взгляд скользил по пустым скамейкам, по тропинкам.

Оливер замер. Вся ярость, весь стыд и разочарование дня вспыхнули в нем с новой силой. Он не хотел его видеть. Не хотел слышать этих жалких оправданий, смотреть на эти синяки, которые были доказательством... чего? Его слабости? Его лжи?

Еще до того, как Освальд мог его заметить, Оливер сорвался со скамейки. Не побежал, а рванул с места с такой скоростью, на какую только были способны его маленькие ножки, заряженные целым днем злости и страха. Он побежал

не к Освальду, а от Освальда в конце аллеи. В сторону, противоположную от того места, где он стоял, вглубь парка, туда, где были густые заросли и задний выход на другую улицу.

Его кеды глухо стучали по асфальту, потом по земле. Он не оглядывался. Он просто бежал, чувствуя, как холодный ветер режет щеки и выжигает из легких тот парковый воздух, которым он дышал весь день. Он бежал от одного единственного, невыносимого зрелища: своего отца, который, несмотря на все свои синяки и хромоту, все равно пришел его искать. Это было хуже любой злости. Это было невыносимо. Поэтому он бежал. Пока не сбилось дыхание, пока в висках не застучало. Пока он не оказался на совершенно незнакомой улице, один, в сгущающихся сумерках, окончательно потерявший и точку опоры, и направление.

А Освальд не отставал, за Оливером было очень легко проследить. Всего то увидеть мальчика в ярко красной безрукавке гуляющего по парку во одиночестве, в поздние время.

И вот спасение для Оливера. Ему удалось выбежать на небольшую улочку, где были небольшие домики и свет светился только на высоких этажах. Только в одном неприметном магазинчике из трёх таких горел свет. Оливер без раздумий вбежал в него.

Магазинчик был крошечным, забитым от пола до потолка всякой ерундой: дешевыми сувенирами, фигурками из кристаллов, пакетиками с травами, старыми комиксами и

пыльными книгами в потрепанных переплетах. Пахло воском, пылью и чем-то сладковато-травяным. А также был раздражающий звук дешёвых, китайских, колокольчиков подвешенных на полке

За прилавком, на скрипучем стуле, был продавец. Светло-русые с рыжинкой волосы спадали на лоб, очки съехали на кончик носа. Он явно мирно посапывал.

Резкий, громкий звук хлопнувшей двери и звон колокольчика сработали, как выстрел. Мужчина вздрогнул, вскочил так резко, что стул отъехал назад с пронзительным скрипом. В полудреме, он резко выпрямился и глухо ударился затылком о свисавшую с потолка старую лампу. Лампа закачалась, бросая по стенам безумные тени.

— А-а-а, черт! Кто там?! — выругался он, хватаясь за голову, его голос был сонным и раздраженным. Он поправил очки и, морщась от боли, уставился на вход.

И увидел Оливера.

Мальчик стоял, прислонившись к стеллажу с кристаллами, все еще переводя дух. Лицо его было перепачкано, на щеках — четкие белые дорожки от высохших слез, которые он яростно вытирал по дороге. Глаза были красными, широко распахнутыми от паники и остатков бега. Он выглядел абсолютно потерянным, как загнанный щенок.

Раздражение в глазах продавца моментально испарилось, сменившись живым, острым интересом. Он тут же смягчил выражение лица, натянув на него маску доброжелательной,

слегка озабоченной улыбки.

— Ой-ой-ой, — сказал он, уже совсем другим тоном, мягким и сочувственным. — Прости, испугал ты меня. Я тут, бывает, вздремну... А ты кто такой? И что случилось, дружок? Ты... плакал?

Оливер все еще пытался отдышаться. Сердце колотилось где-то в горле, а в ушах шумело. Он смотрел на этого странного продавца с рыжинкой в волосах и почему-то не мог вымолвить ни слова. Вместо ответа его взгляд упал на бейджик, приколотый к безупречной белой рубашке.

«ГЕНРИ В...» — дальше буквы стерлись, бейджик был старый и букв почти не было видно. Оливер прищурился, пытаясь разобрать.

— Генри В... Зебра? — хрипло выдавил он, шмыгнув носом. — Генри Зебра?

Генри замер. Его бровь медленно, почти театрально поползла вверх. Он моргнул. Потом еще раз. И вдруг — совершенно искренне, неожиданно для самого себя — рассмеялся. Не громко, а тихо, с каким-то удивлением.

— Зебра? — переспросил он, качая головой. — Нет, малыш. Везерби. Генри Везерби. Хотя Зебра, пожалуй, звучало бы интереснее. Меньше ответственности.

Он все еще улыбался, но его глаза — эти светлые, холодновато-голубые глаза — уже снова внимательно, цепко рассматривали лицо Оливера. Он подошел чуть ближе, но не нависая, а присаживаясь на корточки, оказавшись почти на

одном уровне с мальчиком и поправил его куртку, застегнув молнию.

— А ты, значит, Оливер, да? — спросил он мягко, хотя Оливер еще не называл своего имени. Генри просто знал. — И кто же тебя так расстроил? Или... что?

Оливер закусил губу. Внутри все бурлило. Злость. Страх. Стыд за утреннюю сцену. Стыд за то, что убежал. Стыд за то, что сейчас у него опять защипало в глазах. И этот чужой взрослый смотрел на него спокойно, не давя, не пытаясь обнять или поцеловать. Просто слушал.

— Может тебя кто-то обидел? — спросил он еще тише, наклонившись ещё немного, так что Оливер был чуточку выше. В его голосе не было фальшивой слащавости, только спокойное, взрослое участие. Полная противоположность нервной, сломанной энергии Освальда.

— Или ты потерялся?

И Оливер всё рассказал. Он не мог не доверять этим ясным, голубым глазам, этой светлой и опрятной одежде и этому спокойному и такому успокаивающему лицу.

Генри слушал, не перебивая. Он не садился обратно и не отвлекался. Он просто стоял, слегка склонив голову, и его голубые глаза за стеклами очков были внимательны, как два спокойных озера. Это молчаливое, полное участие внимание было тем, в чем Оливер отчаянно нуждался после хаоса последних дней.

И слова полились сами. Сначала сбивчиво, с злостью.

— Он врет! — выпалил Оливер, снова чувствуя, как подступают слезы от бессилия. — Он весь грязный пришел, с синяками, говорит, поскользнулся и упал! Да он в кустах весь, с листьями в волосах! И губа разбитая!

Потом, тише, уже с дрожью в голосе, вышли наружу все мелкие, копившиеся странности:

— А еще... он стал какой-то странный. То потный, то... как мокрая собака. И глаза у него иногда... светятся. Ну, не светятся, а... желтеют...

Оливер вытер лицо рукавом, глотая воздух. Он не смотрел на Генри, а говорил в пространство, выплескивая весь яд.

— Он чокнутый! И слабый. Я ему сказал, что он как бомж, и он... он даже ругаться не стал.

Просто сидел. А потом я убежал, а он... он за мной пришел в парк! Весь избитый, хромал, но пришел! Зачем? Чтобы опять врать?

Тут голос Оливера окончательно сорвался. Он замолчал, тяжело дыша, ожидая, что взрослый засмеется, скажет «фантазер» или начнет читать нотации.

Но Генри не сделал ни того, ни другого. Он медленно кивнул, и на его лице появилось выражение не шока, а глубокого понимания.

И еще — легкой, едва уловимой горечи.

— Упал говоришь, и губа разбита? — переспросил он очень тихо, почти шепотом.

Оливер, удивленный, что его вообще слушают, кивнул.

— И глаза... желтые. Как у той собаки в парке, но вы её не знайте — добавил он уже почти машинально.

Генри вздохнул. Он отошел к прилавку, взял оттуда чистый бумажный платок и протянул Оливеру.

— Вытри лицо. Садись, если хочешь, — он указал на старенькую табуретку в углу. Сам же прислонился к прилавку, сложив руки на груди. Его взгляд стал отстраненным, будто он смотрел не на Оливера, а сквозь него, в какое-то свое далекое прошлое.

— Собака в парке... — повторил он задумчиво. — Большая, темная, с длинной шерстью? Почти черная? И смотрела... не как обычная дворняга. Смотрела умно. Прямо в душу, да?

Оливер снова кивнул, уже с открытым ртом. Как этот дядя мог знать?

— Вы... вы ее видели?

— Видел. Давно, — Генри горько усмехнулся. — Очень давно. Она... она не всегда была собакой, понимаешь?

Он сделал паузу, давая словам просочиться. Потом по-

смотрел прямо на Оливера, и в его взгляде не было ни капли насмешки.

— Оливер, твой... Освальд. Он тебе не просто соврал про то что упал. Он соврал тебе вообще обо всем. С самого начала. Он не больной. И не сумасшедший. — Генри наклонился чуть ближе, понизив голос до конфиденциального шепота и...

Генри не успел договорить.

Дверь распахнулась с таким сильным толчком, что колокольчик сорвался с крючка и с жалобным звоном упал на пол, а китайские колокольчики зазвенели хуже, чем раньше. В проеме стоял Освальд.

Он действительно выглядел лучше — почти как раньше. Чисто выбрит, ссадина на скуле была аккуратно заклеена пластырем, синяк под глазом хоть и не исчез, но уже не так бросался в глаза. Но это была лишь внешняя оболочка. Внутри он был натянутой струной. Его волосы, всегда чуть кудрявые и аккуратно подстриженные, чтобы была одна длина, сейчас были мокрыми, небрежно зачесаны назад и спадали почти на плечи, открывая резкие, напряженные черты лица. На нем было бежевое пальто, но накинуто наспех, как будто он одевался на бегу. Карие глаза горели холодным, яростным огнем, но в них не было ни капли желтизны — только человеческая, очень острая боль и гнев. Он был страшен не как монстр, а как человек, доведенный до предела.

Его взгляд метнулся к Оливеру, сидевшему на табуретке с открытым ртом и полными ужаса глазами, а затем впился в Генри.

— Генри, — прошипел Освальд. — Отойди от моего сына.

Генри не испугался. Он лишь выпрямился, и его обычная доброжелательная маска растаяла, обнажив холодное, циничное любопытство.

— Твой сынок, Ос? Как трогательно. А где ты был, когда он в панике по парку бегал? Пытался хвост спрятать? — он произнес это мягко, ядовито, с легкой насмешкой.

Освальд вздрогнул, как от пощечины. Его взгляд снова метнулся к Оливеру, который съежился, услышав слово «хвост». Ужас в глазах мальчика был для Освальда хуже любого оскорбления.

— Ты... что ты ему наговорил? — сказал он, делая шаг внутрь.

— Правду, — пожал плечами Генри. — Ну, или ее начало. Ребенок имеет право знать, с кем он живет. С больным человеком... или с диким зверем.

— ЗАТКНИСЬ! — рявкнул Освальд. Его голос гулко отдался в тесном помещении, заставив задрожать хрустальные фигурки на полках. Он больше не сдерживался. — Ты понятия не имеешь, о чем говоришь! Ты все еще тот же мелкий, завистливый, рыжий пацан, который мстит за то, что его рыжий папаша любил меня больше!

Это попало в цель. Глаза Генри сузились, но улыбка не сошла с его лица.

— Любил? Он жалел сироту-урода. А я был его НАСТОЯЩИМ сыном. Пока ты не отобрал у меня все. Сначала отца, потом невесту... Теперь хочешь и этого мальчишка превратить в такое же чудовище, как ты сам?

Освальд не стал больше спорить. Он видел, как Оливер, бледный как полотно, вжимается в стену, глядя на них обоих как на сумасшедших. Он двинулся вперед, решительно и быстро. Генри инстинктивно отступил на шаг, но не стал физически препятствовать — он сделал свое дело, посеяв семя.

— Оливер, пошли домой, — сказал Освальд, и в его голосе, обращенном к сыну, пробилась хрипая, искренняя мольба. Он протянул руку.

Но Оливер отпрянул, как от раскаленного железа. Его взгляд метался между лицом отца и спокойной, почти торжествующей улыбкой Генри.

— Он... он говорит... ты... — Оливер не мог выговорить это слово, ведь Генри не успел его сказать. Но все детали — глаза, запах, собака — складывались в ужасную, невозможную картину, которую нарисовал этот незнакомый дядя.

— Он лжет, Олли, — сказал Освальд, но его голос дрогнул. Он видел недоверие в глазах сына.

— А собака? — выдохнул Оливер. — Та, что за мной ходила? Это...

Освальд закрыл глаза на секунду и резко схватил Оливера за руку и потряс. так чтобы переключить его внимание.

— Оливер, пожалуйста, давай поговорим дома. Не здесь.

— Боишься, что я расскажу больше? — встрял Генри, наслаждаясь зрелищем. — Мальчик, подумай сам. Разве нормальный человек так выглядит после падения в поле? Разве у нормальных людей растут хвосты?

Это было последней каплей. Освальд больше не мог ждать. Он сильнее сжал руку Оливера, так что тот вскрикнул.

— Мы идем. Сейчас же.

Оливер попытался вырваться, но сила хватки Освальда была железной. Не болезненной, но неотвратимой.

— Отстань! Не трогай меня! Я боюсь тебя! — закричал Оливер.

Освальд сжал губы в белую ниточку. Не отвечая, он почти на руках выволок сопротивляющегося Оливера из магазина, проигнорировав ядовитое: «Береги его, Ос! А то в следующее полнолуние он начнет выть!» от Генри.

На улице он почти бегом потащил Оливера к машине, втолкнул его на пассажирское сиденье, пристегнул ремень (Оливер вырывался и бил его по рукам), сам запрыгнул за руль и с визгом шин рванул от тротуара.

В машине стояла гробовая тишина, нарушаемая только прерывистыми, заглушёнными всхлипами Оливера, который сидел, прижавшись к дверце, как можно дальше от Освальда, и смотрел на него широкими, полными чистого, недетского ужаса глазами. Он не верил в монстров. Но он верил, что Освальд — это что-то страшное, лживое и неправильное. А этот дядя в магазине... он знал. И от этого было еще страшнее.

Освальд молча вел машину, судорожно сжимая руль. Его отражение в зеркале заднего вида было искажено болью и отчаянием. Длинные, мокрые пряди волос падали ему на лоб. Он проиграл. Генри выиграл этот раунд, даже не ударив его. Он просто сказал мальчику сказку, и мальчик поверил не отцу, а сказке. А дом, в который они теперь ехали, был уже не убежищем, а клеткой для двоих напуганных зверей.

Глава 8

Подозрения верны

Машина резко остановилась у знакомого зеленого дома. Двигатель заглох, и в наступившей тишине были слышны только тяжелое дыхание Освальда и сдавленные всхлипывания Оливера, упершегося лбом в холодное стекло окна.

Освальд отстегнулся и вышел. Обошёл вокруг машины и открыл пассажирскую дверь.

— Выходи, Оливер. Мы дома.

Оливер не двинулся. Он вжался в сиденье, сжимая ремень

безопасности так, что костяшки побелели.

— Не пойду, — выдавил он сквозь зубы, голос дрожал, но в нем звенела упрямая, истеричная дерзость. — Я не пойду с тобой. Ты... ты чудовище.

Освальд вздохнул. Он наклонился, чтобы отстегнуть ремень.

— Не трогай меня! — Оливер замахнулся, ударив Освальда по руке. Удар был слабым, детским, но отчаянным. — Отстань! Я тебя боюсь! Ты врешь! Ты... ты не человек!

Эти слова, выкрикнутые в лицо, казалось, обожгли Освальда. Он на миг замер, и в его глазах мелькнула такая бездонная боль, что даже Оливера на секунду передернуло. Но страх был сильнее.

— Я сказал, выходи, — повторил Освальд глухо, и его голос звучал уже не как просьба, а как приказ измученного командира. Он ловко перехватил машущие руки Оливера одной рукой, а другой отщелкнул ремень. — Мы не будем обсуждать это на улице.

— Нет! Помогите! — закричал Оливер, вырываясь, но Освальд был сильнее и, что главное, решительнее. Он вытащил его из машины, почти как куль, не обращая внимания на отчаянные пинки по его ногам и голениям.

— Перестань, — рыкнул Освальд ему на ухо, уже не сдер-

живаясь. — Ты привлекаешь внимание. Хочешь, чтобы соседи вызвали полицию? Хочешь, чтобы тебя забрали к какой-нибудь тете Мэри, которая даже имени твоего не знает, но очень хочет денег?

Это на мгновение остудило пыл Оливера. Мысль о незнакомой тете, о полиции, о том, что его могут забрать из этого, пусть и странного, но уже привычного места, пронзила его новый страх. Он затих, обмяк в захвате Освальда, но все его тело было напряжено как струна, а глаза, полные слез, смотрели на отца с немым укором и животным страхом.

Так, почти неся его, Освальд дотащил Оливера до калитки, одной рукой открыл замок, втолкнул его в дом.

Ужин был мрачным и молчаливым. Освальд приготовил простую пасту с мясным соусом. Он ел медленно, без аппетита, избегая взгляда Оливера. Оливер же не притронулся к еде. Он сидел, уставившись в свою тарелку, а потом его взгляд упал на кусок мяса в соусе. И что-то в нем щелкнуло.

— А чье это мясо? — спросил он вдруг, голосом, лишенным всякой интонации.

Освальд поднял глаза, удивленный.

— Что?

— Мясо. Чье оно? — Оливер ткнул вилкой в тарелку. — Откуда ты его взял?

Освальд понял. Его лицо исказила гримаса то ли боли, то ли презрения к этой игре.

— Из магазина, Оливер. Обычная говядина.

— А откуда в магазине? — Оливер не отступал. Его глаза сверлили отца. — Его же кто-то убил. Может, ты сам и убил? На охоте? Когда был... собакой?

— ХВАТИТ! — Освальд швырнул вилку на тарелку с таким звоном, что Оливер вздрогнул. — Хватит этих дурацких игр! Ты хочешь знать правду? Правда в том, что Генри Везерби — лжец и мстительный подлец! Он ненавидит меня с детства и готов на всё, чтобы навредить!

— Он знал про собаку! — выкрикнул Оливер, вскакивая. — Он знал, какая она! А ты все врешь! Что устал! Что спортом занимаешься! Ты... ты просто боишься, что я узнаю!

Освальд встал, его тень огромной накрыла Оливера.

— Я не боюсь! Я пытаюсь защитить тебя! От этой... этой ерунды! — его голос сорвался. Он провел рукой по лицу, и в этом жесте была такая беспомощность, что даже Оливер на миг притих. — Я человек, Оливер. Человек! И я твой папа. Точка.

— А как доказать? — прошептал Оливер, отступая к стене. — Как доказать, что ты не... не оно?

Освальд посмотрел на него долгим, тяжелым взглядом. Потом развел руки в стороны, как бы показывая, что ему нечего скрывать.

— Проверь. Сам. Прямо сейчас. — Его голос стал усталым, почти безжизненным. — Залезь в интернет, найди лю-

бую статью про оборотней. Прочти симптомы. А потом смотри на меня. Где у меня шерсть? Где клыки? Где хвост, в конце концов?! Или ты думаешь, оборотень может вот так, по щелчку, превращаться? При свете дня? За обедом? Это же сказки, Оливер! Страшные сказки, которые Генри подсунул тебе, потому что знает — ты напуган и одинок!

Оливер молчал, его разум метались. Логика Освальда звучала здраво. Слишком здраво. Но в памяти всплывали желтые глаза собаки, ее умный взгляд, и желтый отсвет в глазах отца в момент гнева.

— А глаза... — начал он, но Освальд его перебил.

— Усталость! Стресс! Ты думаешь, легко работать, скрывать боль, пытаться быть отцом ребенку, который смотрит на тебя как на монстра?! Да у любого от такого глаза на лоб полезут и пожелтеют!

Он тяжело опустился на стул, и вдруг вся его энергия, весь гнев, испарились, оставив лишь сломленного, измученного человека.

— Я не прошу тебя любить меня, Оливер. Я даже не прошу называть меня папой. Но прошу... дай мне шанс. Не как сказочному зверю. А как человеку. Который совершил кучу ошибок. Который не знает, как быть родителем. Но который... который очень хочет попробовать. И который ни за что на свете не причинит тебе вреда.

Оливер сидел, и смотрел на ссутулившуюся фигуру за сто-

лом. Генри в магазине был таким уверенным, спокойным, он *знал*. А Освальд здесь был... потерянным. Слишком человеческим в своем отчаянии.

Молчание затянулось. Освальд больше не давил. Он просто сидел, глядя в пустоту. Потом Оливер, не оборачиваясь, сказал:

— Я пойду в свою комнату.

— Хорошо, — тихо ответил Освальд. — Спокойной ночи.

Оливер ушел наверх. Он не знал, кому верить. Но одно он знал точно: страх перед Освальдом-человеком, с его болью и беспомощностью, был сейчас куда реальнее и невыносимее, чем страх перед Освальдом-оборотнем из сказки Генри. И от этой мысли было не легче, а только страшнее. Потому что если Освальд не оборотень... то он просто несчастный, сломленный человек. И жить с таким оказалось, как ни странно, еще страшнее.

После того вечера в магазине «Диковинка» в доме Дейвисов воцарилось странное, хрупкое перемирие. Оно висело в воздухе, как паутина после дождя — невидимое, но липкое, и каждое неосторожное движение могло его порвать.

Оливер не верил Освальду. Но он и не верил до конца Генри. Он застрял где-то посередине, в серой зоне, где правда мешалась с вымыслом, а страх — с любопытством. И поэтому он начал наблюдать.

Первое, что он заметил — Освальд больше не пытался

его трогать. Ни погладить по голове, ни обнять, ни даже случайно коснуться, проходя мимо в коридоре. Он словно возвел вокруг себя невидимый защитный круг и строго его соблюдал. Это должно было радовать Оливера — свобода от этих неловких, дурацких прикосновений, от которых хотелось отряхиваться, как от паутины. Но почему-то внутри, глубоко-глубоко, шевелилось что-то похожее на обиду. Он отогнал это чувство, назвав его глупостью.

Второе — запах. Тот самый, диковатый запах, который преследовал Освальда перед полнолунием, исчез. Совсем. Теперь от него пахло только обычными человеческими вещами: гелем для душа, кофе с молоком.оборотни, наверное, так не пахнут, думал Оливер.оборотни должны вонять псарней и лесом. А Освальд пах, как обычный, немного уставший взрослый.

Третье, и самое главное — еда. Оливер следил за этим особенно тщательно. Перед полнолунием Освальд почти ничего не ел, пил много воды и морщился от яркого света. Теперь же он ел как все. Завтракал тостами с джемом, на обед разогревал вчерашний суп, ужинал пастой или курицей. Никакого сырого мяса. Никакой крови. Ничего, что выдавало бы в нем зверя. Однажды Оливер специально оставил на кухне пакет с сырым фаршем, взятым из морозилки. Он спрятался за углом и ждал. Освальд прошел мимо, даже не взглянув на пакет. Просто убрал его в холодильник, помыл руки и сел читать книгу. Обычный человек. Слишком обычный.

А еще Освальд работал. Много. За своим компьютером, с микроскопом, с какими-то пробирками. Иногда он звонил коллегам и говорил о медицинских терминах, которых Оливер не понимал. «Биопсия», «анализы», «результаты гистологии» — слова плавали в воздухе, создавая вокруг Освальда ореол серьезного, занятого человека. Не монстра. Не чудовища. Просто врача, который временно работает из дома.

По вечерам они сидели в гостиной. Освальд читал свои книги или смотрел медицинские передачи, Оливер — делал уроки или просто листал телефон. Иногда, в самые тихие моменты, когда за окном темнело, а в комнате горел только торшер, Оливер ловил на себе взгляд Освальда. Не пристальный, не давящий. Короткий, осторожный, полный такой невысказанной тоски, что Оливеру становилось не по себе. Он отводил глаза, и взгляд исчезал, растворялся в темноте за окном.

Книга. Освальд больше не предлагал почитать. Книга «Гарри Поттер и Узник Азкабана» так и лежала на его столе, заложённая закладкой на том самом месте, где они остановились. Иногда Оливер заходил в его комнату (он разрешал, дверь всегда была открыта) и видел эту книгу. Ему хотелось взять ее, принести вниз, попросить продолжить. Но гордость, или страх, или нежелание показать слабость останавливали его. Он проходил мимо, делая вид, что ему все равно.

Генри не появлялся. Оливер иногда думал о нем, о его

ровном, спокойном голосе и холодных глазах за очками. Он казался таким уверенным, таким знающим. Но почему тогда он ничего не сделал? Почему просто не пришел и не спас его от «чудовища»? Почему только намекал и улыбался? Эти вопросы оставались без ответов, и чем дальше, тем больше они походили на трещины в его собственной, такой красивой и пугающей теории.

Однажды, Оливер задержался в парке после школы. Он сидел на той самой скамейке и ждал. Ждал темную собаку с желтыми глазами. Он просидел до самых сумерек, продрог до костей, но никто не вышел из кустов. Только ветер шелестел листвой да где-то вдалеке лаяла обычная, деревенская собака. Собака не пришла. Она исчезла так же внезапно, как и появилась. Или ее никогда и не было? Оливер уже не был уверен.

Оливер сидел за кухонным столом и делал домашнее задание. Освальд готовил ужин, напевая себе под нос какую-то старую мелодию из пластинки, которую иногда крутил по вечерам.

— Олли, передай соль, пожалуйста, — попросил Освальд, не оборачиваясь.

Оливер протянул солонку. Их пальцы не коснулись. Освальд взял ее, даже не взглянув на сына. И в этот момент Оливер понял одну страшную, неловкую вещь. За эти две недели он так и не нашел ни одного доказательства, что Освальд — оборотень. Ни одного. Но он также не нашел и

доказательств, что Генри — лжец. Он застрял в подвешенном состоянии, где правда была где-то посередине, а он сам — как тот маятник, что раскачивался, но так и не мог остановиться.

— Олли, — голос Освальда вырвал его из раздумий. — Ты будешь есть?

Оливер посмотрел на тарелку перед собой. Обычная курица с рисом. Обычный ужин. Обычный вечер. Он взял вилку и начал есть молча, как и все эти две недели. Но в голове у него стучала одна мысль, навязчивая и липкая, как та самая паутина в воздухе: *Если Освальд не оборотень, то кто же тогда та собака? И почему Генри так уверенно про нее говорил? И почему я до сих пор не спросил об этом у Освальда напрямую?*

Он поднял глаза на отца. Тот смотрел в свою тарелку, и на его лице не было ничего, кроме усталости и привычной, уже ставшей почти родной, печали. Оливер открыл рот, чтобы спросить. Прямо сейчас. Напрямую. *«Та собака в парке — это был ты?»*

Но слова застряли в горле. Вместо этого он спросил:

— А... дочитаем книжку?

Освальд поднял голову так резко, будто его ударило током. Его глаза широко распахнулись, и в них впервые за долгое время мелькнуло что-то живое, теплое. Не желтое. Человеческое.

—Что?

— Книжку. Гарри Поттера, — буркнул Оливер, глядя в тарелку. — Мы на самом интересном месте остановились.

Освальд молчал несколько секунд. Потом медленно, очень медленно, на его губах появилась улыбка. Не натянутая, не нервная. Обычная, почти счастливая.

— Да, — сказал он тихо. — Да, конечно. Сегодня вечером, если хочешь.

Оливер кивнул и продолжил есть. А в груди у него, там, где еще недавно жил только холодный, колющий страх, шевельнулось что-то новое. Пока еще крошечное, пока еще слабое, но уже живое. Что-то похожее на доверие. Или на его начало. Ведь, если чудовище читает тебе сказки на ночь и забывает про соль в ужине... может, оно вовсе и не чудовище?

За окном темнел октябрьский вечер. В доме пахло уютом и едой. А в комнате на втором этаже на столе лежала книга, заложенная на той самой странице, где Гарри Поттер впервые встретил большую черную собаку. Жизнь, как и эта книга, остановилась на самом интересном месте. И завтра, возможно, они перевернут страницу.

Глава 9

Находка и пропажа

Освальд ушел в магазин двадцать минут назад. Сказал, что нужно купить продукты на ужин, и что вернется через час. Оливер сидел на диване, бесцельно щелкая пультом по каналам. Телевизор надоел. Телефон разрядился. В доме было тихо, и эта тишина, как обычно, начала давить на уши.

Он встал, прошелся по гостиной, заглянул на кухню. Холодильник манил пустотой. Он прошелся по первому этажу, пиная ногой угол ковра. Скука была липкой и невыносимой.

Взгляд упал на лестницу, ведущую наверх. На комнату Освальда.

Оливер замер. Мысль была опасной, запретной, но от этого еще более соблазнительной. За две недели он ни разу не заходил туда без присутствия Освальда. Но сейчас... сейчас Освальда не было. А ключи от запертого шкафчика на кухне, скорее всего, были именно там.

Ноги сами понесли его наверх.

Дверь в комнату Освальда была приоткрыта. Оливер толкнул ее и замер на пороге, удивленный.

Оливер подошел ближе и не поверил своим глазам, тогда ночью он это не заметил.

Фигурки. Много фигурок. Персонажи из аниме, игр, комиксов. Роботы из старых игр, каких-то «Mega Man» и «Castlevania» и даже были фигурки из «Genshin Impact». Несколько смешных чибиков с большими головами. На отдельной полке стояли коробки с настольными играми — сложными, стратегическими, с драконами и картами.

Оливер провел пальцем по пыльной коробке с «Берсерком». Под ней лежал старый, потрепанный комикс про Человека-паука. На обложке красовалась надпись «1999».

Освальд собирает фигурки? Освальд читает комиксы?

Это было так неожиданно, так... обычно, что Оливер почувствовал странный укол чего-то похожего на симпатию. Его отец, оказывается, был гиком. Таким же, как те ребята в школе, над которыми посмеивались, но втихаря завидовали их коллекциям.

Он подошел к компьютеру. Мощный, дорогой, с кучей кнопок и проводов. Но самое странное было в кресле. Обычное компьютерное кресло, но с толстым слоем поролона, примотанного скотчем к подлокотникам. Зачем? Чтобы не царапать? Или чтобы... не оставлять следов?

Оливер залез под стол, просто из любопытства, и тут его рука наткнулась на что-то мягкое. Он вытащил находку на свет.

Это была записная книжка. Старая, потрепанная, с обложкой, на которой когда-то был нарисован дракон, но краска почти стерлась. Оливер открыл ее, и его глаза расширились.

Почерк. Такого ужасного почерка он не видел никогда. Буквы прыгали, строчки ползли вниз, слова сливались в каракули. Некоторые страницы были просто изрисованы кровавыми рисунками: человечек, потом человечек с длинными руками, потом человечек, превращающийся в... в кого-то

другого. Рисунки были детскими, неумелыми, но в них чувствовалась какая-то пугающая настойчивость. Тело менялось, кости выгибались, кожа покрывалась штрихами, похожими на шерсть.

Оливер пролистнул дальше. Текст становился чуть разборчивее, но все равно читался с трудом. Мелькнула дата: «2005». Потом еще: «2007». Рисунки сменились записями, но почерк оставался кошмарным — буквы прыгали, строчки съезжали, слова обрывались на полуслове. Оливер разобрал лишь отдельные фразы: *«сегодня опять... заперли... темнота... боюсь...»*, *«они говорят я монстр...»*, *«Маркус сказал что это нормально... он единственный...»*, *«хвост болит...»*.

Хвост.

Сердце Оливера пропустило удар. Он хотел перевернуть страницу, прочесть больше, разобрать эти каракули, но в этот момент внизу хлопнула входная дверь.

— Оливер? Я вернулся!

Паника ударила в голову, как ледяная вода. Оливер захлопнул книжку и замер. Освальд был уже внизу, его шаги приближались к лестнице. Бежать в свою комнату с дневником в руках было поздно — они могли бы встретиться в коридоре.

И тогда Оливер сделал единственное, что пришло в голову. Он сунул книжку под футболку, за пояс джинсов, и пулей вылетел из комнаты, проскочил в свою спальню и захлопнул дверь за секунду до того, как шаги Освальда зазвучали на

верхней площадке.

Он стоял, прислонившись к двери, и чувствовал, как твердый угол книжки впивается в живот. Сердце колотилось где-то в горле. Снизу донесся голос:

— Олли? Ты дома? Я купил тебе соки, которые ты любишь.

— Да! — крикнул Оливер, удивляясь, как ровно звучит его голос. — Я здесь. Уроки делаю.

Пауза. Потом шаги Освальда удалились обратно вниз.

Оливер выдохнул, вытащил книжку из-под футболки и устался на нее. Старая, потрепанная, полная детских каракулей и страшных слов. «*Заперли... темнота... хвост болит...*» Что это? Чей это дневник? Освальда? Но когда он был маленьким? Кто его запирает? И при чем тут хвост?

Мысли путались. Нужно было спрятать улику. Надежно. Он оглядел комнату, и взгляд упал на подушку. Оливер сунул руку в наволочку, засунул книжку в самый угол, расправил ткань, чтобы не было видно бугра. Потом сел на кровать, обхватив колени, и устался в стену.

Внизу гремел посудой Освальд, готовил ужин, и ничто в его шагах, в его голосе не выдавало монстра. Он был просто отцом, который купил сыну любимый сок. Но в наволочке, в нескольких метрах от него, лежала книга, полная криков о помощи и детских рисунков превращений. И Оливеру вдруг стало страшно не того, что он найдет в этой книге дальше. А того, что он уже нашел. И теперь это знание лежало у него

под головой каждую ночь, ожидая своего часа...

Дневник лежал на дне рюкзака, завернутый в пакет и засунутый между учебниками. Оливер чувствовал его присутствие каждой клеточкой тела, как будто это была не старая записная книжка, а бомба замедленного действия. На перемен он не выпускал рюкзак из рук, таская его за собой даже в столовую. Друзья недоумевали, учительница мисс Эпплгейт спросила, не случилось ли чего. Оливер отмахнулся.

Он пытался читать. Честно. На большой перемене он забился в самый дальний угол библиотеки, открыл дневник на первой попавшейся странице и... ничего не понял. Почерк Освальда был кошмарным — каракули, которые прыгали и плясали, как пьяные червяки. Некоторые слова он все же разбирал: «*больно*», «*темно*», «*не понимаю*». Но цельного смысла не складывалось. А главное — он боялся. Боялся, что кто-то из ребят заметит, подойдет, выхватит книгу. В этой школе порча чужих вещей была любимым развлечением некоторых.

К концу уроков Оливер принял решение. Он не понесет эту книгу домой. Не сейчас. Он пойдет к Генри. Тот взрослый, умный, он точно разберет эти каракули. И он расскажет правду. Настоящую правду.

Оливер вышел на крыльцо, шурясь от низкого октябрьского солнца. В руке он сжимал лямку рюкзака, в котором лежала разгадка всех его кошмаров. Он сделал шаг вниз по

ступенькам и замер.

У ограды школьного двора, на том самом месте, откуда открывался лучший обзор на выходящих детей, сидела она.

Темная, лохматая собака с длинной шерстью шоколадного оттенка и яркими, янтарно-желтыми глазами. Та самая. Она смотрела прямо на него, и в ее взгляде не было ни угрозы, ни дикости. Только настороженное, почти человеческое ожидание.

Оливер почувствовал, как сердце подпрыгнуло к горлу. Не от страха — от радости. От дикой, необъяснимой радости, которую невозможно было сдержать.

— Ты! — выдохнул он, сбегая по ступенькам и забыв про осторожность. — Ты пришла! Ты вернулась!

Собака не двинулась с места, но ее уши чуть прижались, а хвост, лохматый и тяжелый, медленно вильнул раз-другой по асфальту. Она ждала его.

Оливер подбежал, остановился в полуметре, не решаясь приблизиться. Его глаза горели.

— Я так ждал тебя! Я думал, ты... ты пропала. Или тебя не было. Я уже не знал, что думать, — слова вылетали пулеметной очередью. — Слушай, у меня такое! Ты не представляешь!

Собака наклонила голову набок, внимательно глядя на него. Ее ноздри раздувались, она явно принюхивалась. И вдруг ее взгляд упал на рюкзак Оливера. Тот самый рюкзак, где лежал дневник.

Из горла собаки вырвался низкий, предупреждающий рык. Не злой, но очень серьезный. Она смотрела на рюкзак, и в ее желтых глазах читалось что-то... знакомое. Тревога. Страх. Почти человеческое беспокойство.

— Ты чего? — Оливер отступил на шаг, но потом понял. — Ты чувствуешь? Там... там дневник. Его дневник. Освальда. Я нашел его вчера, когда он ушел в магазин.

Собака замерла. Рык стих, но взгляд остался напряженным. Она перевела глаза с рюкзака на лицо Оливера и обратно, будто спрашивая: «Зачем ты его взял?»

— Я хочу понять, — Оливер говорил тихо, но настойчиво, глядя в эти странные, умные глаза. — Он мне все врал. А там, в дневнике... там про хвост. И про то, что его запирали. И про боль. Я ничего не понимаю, там почерк ужасный, как у курицы лапой. Но есть один человек. Он все знает. Дядя Генри, из магазина «Диковинка». Он в тот раз про тебя говорил, про собаку. Он мне поможет разобраться.

При этих словах собака вздрогнула. Ее шерсть на загривке встала дыбом, и из пасти снова вырвался рык, на этот раз громче, тревожнее. Она сделала шаг вперед, загораживая Оливеру дорогу к той улице, где находился магазин.

— Ты чего? — Оливер нахмурился. — Ты не хочешь, чтобы я шел к нему? Но он же... он знает правду. Он про тебя знал. Сразу сказал, какая ты. Значит, он понимает.

Собака заскулила. Коротко, жалобно, почти по-человечески. Она смотрела на Оливера с такой мольбой, что у него

защемило сердце. Но упрямство, вьевшееся в него за годы жизни с бабушкой, было сильнее.

— Прости, — сказал он твердо. — Но я должен. Он единственный, кто говорит мне правду. А ты... — он запнулся, подбирая слова. — Ты просто собака. Хорошая, умная, но собака. Ты не расскажешь, что там написано.

Он погладил собаку по голове. Та прикрыла глаза на секунду, но тут же снова уставилась на него с тревогой.

— Не бойся. Я быстро. Посмотрим дневник вместе с ним и сразу домой. К Освальду, — он поморщился, произнося это имя. — К этому... вруну. К оборотню недоразумению... Даже я лучше него скрываю...

Собака дернулась, как от удара, и издала горловой звук, похожий на всхлип. Но Оливер уже не смотрел на нее. Он поправил рюкзак и зашагал по тротуару в сторону центра, где на тихой улочке прятался магазин «Диковинка».

Собака стояла, глядя ему вслед. В ее желтых глазах стояла такая тоска и такое отчаяние, какие бывают только у существ, понимающих человеческую речь, но лишенных возможности ответить. Она сделала шаг, другой, потом, видимо, приняв решение, тяжело, но быстро побежала следом, держась в тени домов, невидимая для случайных прохожих. Она не оставит его. Даже если он идет к врагу. Даже если он несет в рюкзаке ее самую страшную тайну. Она будет рядом. Потому что это ее мальчик. Ее сын. И она не позволит Генри

сделать с ним то, что тот задумал.

Оливер остановился у витрины, запыхавшись после быстрой ходьбы. Рюкзак тянул плечо, внутри тяжело лежал дневник, напоминая о себе каждым шагом.

Собака — он краем глаза видел, что она шла за ним всю дорогу, держась в тени заборов, — теперь замерла у угла соседнего дома, припав к земле, и из ее груди вырывался тихий, непрерывный

рык. Низкий, вибрирующий, как работающий мотор. Она смотрела на магазин, и в ее желтых глазах горела такая ненависть, что Оливеру на миг стало не по себе.

Но тут он отвлекся. Шнурок на правом кеде развязался — вечная проблема дешевых шнурков, которые он так и не научился завязывать двойным узлом. Оливер чертыхнулся, скинул рюкзак прямо на тротуар, присел на корточки и начал сосредоточенно вязать бантик, высунув язык от усердия. Рюкзак валялся раскрытый, дневник лежал почти на виду, прикрытый лишь пеналом.

И в этот момент он поднял глаза и посмотрел в окно магазина.

За стеклом, в теплом свете ламп, стоял Генри. Он поправлял что-то на полке, но, заметив Оливера, обернулся и широко, по-доброму улыбнулся. Махнул рукой — привет, заходи, я тебя ждал. Его светлые волосы мягко блестели, очки в тонкой оправе придавали лицу интеллигентное, доверительное выражение. В своем идеально выглаженном коричневом жилете и оранжевой бабочке он выглядел как герой из детской книжки — добрый волшебник, который обязательно поможет.

Оливер торопливо затянул узел, схватил рюкзак, закинул на плечо и рванул к двери. Он забыл про собаку. Забыл про ее рык, про ее тревожные глаза, про то, как она скулила у школы. Внутри было только одно: сейчас он все узнает. Сейчас этот добрый дядя прочитает дневник и объяснит, что за чудовище живет с ним под одной крышей.

Колокольчик над дверью звякнул, падая с крючка — Оливер влетел так стремительно, что чуть не снес стойку с открытками.

— Осторожнее, друг мой! — рассмеялся Генри, ловко подхватывая падающие конверты. — Рад тебя видеть. А я все думал, зайдешь ты еще или нет.

Оливер стоял, тяжело дыша, и смотрел на Генри снизу вверх. Тот был таким спокойным, таким уверенным, таким... нормальным. Не то что Освальд с его вечными нервными улыбками и дрожащими руками.

— Я... я пришел, — выдохнул Оливер.

— Вижу, — Генри улыбнулся еще теплее. — Ты с дороги, замерз небось? Октябрь все-таки. Давай-ка я чайник поставлю. Любишь чай? С бергамотом? Или с мятой?

— Я... не знаю. Наверное, любой, — растерялся Оливер. Он ожидал допроса, расспросов, а его просто приглашали пить чай.

— Любой не бывает, — Генри подмигнул и скрылся за маленькой дверцей в углу магазина, откуда тут же донеслось

шипение закипающего чайника. — Располагайся пока. Вон там, за прилавком, табуретка. Садись, не стесняйся.

Оливер прошел, сел на высокий деревянный табурет, поставил рюкзак на колени. Внутри все дрожало от волнения. Генри вернулся через минуту с двумя кружками — одна с ярким рисунком кота, другая — с оленем. Протянул Оливеру ту, что с котом.

— Детям нравится эта, — объяснил он. — Пей осторожно, горячо.

Оливер взял кружку, обжег пальцы, поставил кружку на прилавок. Чай пах травами и чем-то сладким. Неловко было до ужаса. Сидеть вот так, пить чай с чужим дядей, пока в рюкзаке лежит украденный дневник... Это было неправильно. Но Генри смотрел так спокойно и дружелюбно, что язык не поворачивался встать и уйти.

— Ну, рассказывай, — мягко сказал Генри, присаживаясь на свой стул с другой стороны прилавка. — Как дела? Как там... Освальд?

Оливер дернулся, услышав это имя. Он открыл рот, чтобы вывалить все — про дневник, про странные записи, про рисунки превращений. Рука сама потянулась к рюкзаку, к застежке...

И замерла.

Он посмотрел на Генри. Тот сидел, отпивая чай маленькими глотками, и в его глазах за стеклами очков плескалось такое спокойное, доброжелательное любопытство, что вдруг,

совершенно неожиданно, Оливер почувствовал стыд.

Чужой дневник. Украденный. Он принес показывать чужому человеку личные записи человека, который, может, и врал, но... но кормил его, покупал сок, читал на ночь книжку и ни разу не ударил, даже когда Оливер доводил его до белого каления.

— Я думал... — Оливер сглотнул. — Думал, вы посмотрите. Вы же знаете... про него. Про собак. Может, разобрались бы.

— В чем разобрался? — мягко спросил Генри.

Оливер открыл рот и... закрыл. Он вдруг понял, что не может. Не может показать дневник чужому человеку. Даже такому доброму, как Генри. Это было слишком... сокровенным. Слишком личным. Словно он залез в чужую душу и теперь собирался выставить ее на всеобщее обозрение.

— Ничего, — буркнул он, отодвигая кружку. — Просто вещь. Неважно.

Генри вздохнул, но в его взгляде не было разочарования. Только понимание.

— Знаешь, Оливер, я тебя очень хорошо понимаю. Чужая вещь — это всегда сложно. Особенно если это вещь близкого человека. И показывать ее незнакомому дяде... — он развел руками. — Это неприятно. Даже если этот дядя вроде меня.

— Вы не незнакомый, — быстро сказал Оливер. — Вы... вы знаете про собаку. Вы первый сказали правду.

— Ну вот видишь, — Генри улыбнулся еще теплее. — Я

своей, да? Почти родной. Можно сказать, друг семьи. Старый друг твоего... ну, ты понял.

Он сделал паузу, допил чай и поставил кружку на стол. Его голубые глаза за стеклами очков смотрели прямо и открыто.

— Так что, если хочешь показать — показывай. Я никому не скажу. Это останется между нами. Я же вижу, что тебе нужно с кем-то поделиться. А кому, как не мне? Я про вашу семью знаю такое, чего никто не знает. Даже Освальд не знает, что я знаю.

Он чуть подавился смешком, но тут же посерьезнел.

— Ну, давай. Посмотрим, что ты там нашел. Я обещаю, что буду аккуратен. И если это что-то важное — я помогу тебе понять. Ты ведь хочешь понять? Правду хочешь узнать?

Оливер смотрел на него, и внутри все разрывалось на части. Генри был таким правильным. Таким спокойным. Он обещал помочь, обещал молчать. И он прав — Оливеру нужно было с кем-то поделиться. Одному этот груз был слишком тяжел.

Рука снова потянулась к рюкзаку. Медленно, неуверенно, но потянулась.

Рука Оливера замерла на молнии рюкзака. Он смотрел на Генри, на его добрую, открытую улыбку, на спокойные голубые глаза за стеклами очков. И вдруг что-то кольнуло внутри. Что-то холодное и липкое, как те тени, что он видел в

парке по вечерам.

Генри был слишком правильным. Слишком понимающим. Слишком... сладким. Как та конфета, от которой потом болит живот.

А еще Оливер вспомнил собаку. Ту, что ждала его у школы. Ту, что рычала на рюкзак. Ту, что смотрела на него желтыми глазами, полными такой тоски, будто пыталась сказать что-то важное. Она не хотела, чтобы он шел сюда. Она рычала, предупреждала. А он не послушал.

— Оливер? — голос Генри стал чуть настойчивее. — Ты чего замер? Давай, показывай. Я же свой.

«Свой», — эхом отозвалось в голове. А кто свой на самом деле? Тот, кто врет и пугает, но при этом покупает сок и читает книжки на ночь? Или тот, кто улыбается и поит чаем, но от взгляда которого почему-то хочется вымыть руки?

Решение пришло мгновенно, как щелчок выключателя.

Оливер вскочил с табуретки так резко, что она опрокинулась и с грохотом упала на пол. Рюкзак он прижал к груди обеими руками, как щит.

— Спасибо за чай, — выпалил он на одном дыхании. — Мне пора. Освальд будет волноваться.

Генри не успел среагировать. Его доброе лицо на долю секунды исказилось — губы сжались в тонкую линию, глаза сузились, и в них мелькнуло что-то острое, холодное, совсем не доброе.

— Стой! — рявкнул он, и его голос изменился до неузна-

ваемости. В нем не осталось ни капли той медовой мягкости. Это был голос человека, который привык получать свое. — Оливер, стой, кому говорю!

Но Оливер уже не слушал. Он рванул к двери, вцепившись в рюкзак так, будто от этого зависела его жизнь. Колокольчик над дверью отчаянно зазвенел, когда он вылетел на улицу, чуть не сбив с ног какую-то женщину с сумками.

— Мальчик! — донеслось сзади, но Оливер уже бежал. Бежал так быстро, как никогда в жизни. В ушах свистел ветер, рюкзак колотил по спине, а в голове стучала одна мысль: *подальше, подальше от этого магазина, от этого сладкого голоса, от этих глаз, которые миг стали чужими.*

Он не оборачивался. Он слышал только стук собственных кед по асфальту и бешеный ритм сердца. Он бежал через парк, по знакомой тропинке, мимо той самой скамейки, где сидел и ждал собаку. И только когда впереди замаячил зеленый забор их дома, он позволил себе остановиться.

Согнувшись пополам, хватая ртом холодный воздух, Оливер стоял у калитки и пытался отдышаться. Руки дрожали. В голове было пусто и звонко.

— Сам, — прошептал он, ни к кому не обращаясь. — Я сам разберусь. Сам прочитаю. Не нужен мне никакой Генри.

Он оглянулся. Улица была пуста. Ни собаки, ни странных прохожих, никого. Только сумерки сгущались над домами, да в окнах зажигался теплый, уютный свет.

Оливер влетел в прихожую как ураган, чуть не сбив ве-

шалку. Рюкзак болтался на одном плече, куртка наполовину съехала, щеки горели румянцем от быстрого бега. Он пронесся мимо кухни, даже не взглянув в сторону отца, и загрохотал по лестнице наверх.

— Оливер! — раздался снизу строгий голос Освальда. Не злой, но твердый, требующий внимания. — Ты чего как угорелый? Я зову, зову...

Но Оливер уже захлопнул дверь своей комнаты. Он приклонился к ней спиной, тяжело дыша, и только сейчас, в тишине, до него дошло: Генри. Его голос. «Стой!» — рявкнул он. Не добрый дяденька, а чужой, опасный человек. Мурашки пробежали по спине.

Ладно. Потом. Сейчас главное — дневник.

Оливер скинул рюкзак на кровать, дернул молнию и вытряхнул содержимое прямо на покрывало. Учебники, тетради, пенал, яблоко, которое так и не съел, смятая бумажка с телефонами одноклассников... Он перебирал всё это лихорадочно, сначала спокойно, потом быстрее, потом в панике.

Дневника не было.

Он перетряхнул рюкзак, заглянул во все карманы, даже в тот маленький, на молнии, куда никогда ничего не клал. Пусто. Поднял покрывало, заглянул под кровать, обшарил пол вокруг. Ничего.

— Нет... нет-нет-нет... — зашептал он, чувствуя, как к горлу подкатывает липкий комок паники. — Я же держал его... я бежал... я...

Дверь распахнулась без стука. На пороге стоял Освальд. Его лицо было серьезным, даже строгим, брови сведены к переносице. В руке он держал что-то... Оливер не сразу понял что именно.

— Чего ищешь? — спросил Освальд, и в его голосе не было обычной мягкости. Только холодное, отеческое спокойствие.

Оливер замер, как кролик перед удавом.

— Н-ничего, — выдавил он, сглатывая комок.

— Ничего? — Освальд поднял бровь. Он сделал шаг в комнату и протянул руку вперед. В ней был дневник. Старая, потрепанная, с обложкой, на которой когда-то был нарисован дракон. Та самая. — Не это ли ты ищешь?

У Оливера перехватило дыхание. Он смотрел на дневник, потом на Освальда, потом снова на дневник. Как? Откуда? Освальд же был в магазине... Он уходил... Он не мог...

— Откуда... — прошептал Оливер, чувствуя, как земля уходит из-под ног.

— Нашёл утром, — голос Освальда был ровным, но в глазах плясали опасные искорки. — Под твоей подушкой, в наволочке. Думал, ты сам мне его отдашь, признаешься. Ждал целый день. А ты, я смотрю, решил поиграть в сыщика.

Освальд говорил спокойно, даже слишком спокойно, и от этого спокойствия Оливеру становилось еще страшнее. Но внутри, сквозь панику, пробивалось что-то еще — недоуме-

ние. Утром? Под подушкой? Но он же взял дневник в школу! Он сам, своими руками, положил его в рюкзак! Он нес его в магазин, он бежал с ним, он...

И вдруг картинка вспыхнула в памяти: парк, собака, он наклоняется завязать шнурок, рюкзак валяется открытый, собака рычит... а потом он вбегает в магазин, и дневник... дневник все еще в рюкзаке? Или... или она...

Собака. Та самая. Которая рычала на рюкзак. Которая смотрела на него с такой тоской. Которая не хотела, чтобы он шел к Генри.

Оливер распахнул глаза.

— Это неправда! — выпалил он, и его голос зазвенел. — Я брал его в школу! Я носил его с собой! Я был в парке, и там была собака, и она рычала, а потом я побежал к Генри, а потом...

Он осекся, поняв, что сказал лишнее. Но было поздно. Слова уже вылетели, и имя Генри повисло в воздухе, как дым после выстрела.

Освальд замер. Его лицо на секунду стало совершенно белым, потом налилось краской. В глазах вспыхнул тот самый желтоватый отсвет, который Оливер так боялся.

— Генри? — переспросил он тихо, а потом громче. — Ты был у Генри? С моим дневником?

— Я... я не... — залепетал Оливер, пятась к кровати.

Но Освальд уже шагнул вперед. Он не был зол — он был в ужасе. Настоящем, глубоком ужасе, который прятался за

строгим тоном. Его рука метнулась вперед и мягко, но крепко взяла Оливера за ухо. Не больно, но ощутимо.

— Ай! — пискнул Оливер, хватаясь за руку отца. — Пусти!

— А вот не будешь врать и таскать чужие вещи, — строго сказал Освальд, но в его голосе, сквозь напускную суровость, пробивалось что-то странное. Какое-то облегчение? Или отчаяние? — Я тебе покажу «Генри»! Я тебе покажу «собаку в парке»! Завтра же после школы — домой! Никаких магазинов, никаких парков, никаких... собак! Понял?

— Пусти-и-и, — Оливер пытался вывернуться, но хватка была надежной. И что странно — ему почему-то перестало быть страшно. Вот так, за ухо, по-настоящему, по-отечески... это было почти смешно, ведь Освальд держал не сильно, а лишь слегка сжимал ухо. И совсем не страшно. Не так, как взгляд Генри в магазине.

— Понял или нет? — повторил Освальд, чуть встряхнув его за ухо.

— Понял, понял! — завопил Оливер, и в его голосе против воли проскочили смешливые нотки. — Отпусти, ухо отвалится!

Освальд отпустил. Он выпрямился, посмотрел на Оливера сверху вниз, и в его глазах, несмотря на всю серьезность, мелькнуло что-то теплое. Почти улыбка.

— Дневник я заберу, — сказал он, пряча книжку за спину. — И больше чтобы я таких фокусов не видел. Это личное.

Понимаешь? Очень личное.

Оливер потер покрасневшее ухо и кивнул. Он смотрел на отца и думал: *А он ведь специально. Специально за ухо взял, чтобы я про собаку забыл. Чтобы не спрашивал. Чтобы не думал.*

Но думать он не перестал. Наоборот, теперь в голове сложилась картинка, от которой захватывало дух. Собака в парке. Желтые глаза. Рычание на рюкзак. Дневник, который вдруг оказался дома, хотя он точно нес его в магазин.

— Ужин через полчаса, — сказал Освальд уже от двери. — Убери, что разбросал и спускайся.

— Ага, — буркнул Оливер, глядя ему в спину.

Дверь закрылась. Оливер остался один. Он сидел на кровати среди разбросанных учебников, тер ухо и смотрел в одну точку. И чем больше он думал, тем отчетливее понимал: собака в парке была не просто собакой. Она знала про дневник. Она забрала его. Она принесла его домой. И она...

Глава 10

Кольцо, стакан и календарь

Собака больше не приходила. Оливер искал её глазами каждое утро у школьных ворот и каждый вечер в парке по дороге домой. Он смотрел в кусты, вглядывался в тени под деревьями, прислушивался к шорохам. Но парк молчал. Только ветер гонял пожухлые листья по пустым аллеям, да ста-

рушки с пуделями выгуливали своих скучных, обычных собак. Жёлтых глаз нигде не было. И с каждым днём Оливеру всё больше казалось, что той встречи у школы никогда и не было.

Освальд встречал его каждый день после школы. Ровно в час дня его машина парковалась у ворот, а сам он стоял, прислонившись к капоту, и смотрел на выходящих детей. Не высматривал, не махал — просто ждал. Терпеливо и спокойно.

Оливер выходил, видел его, и внутри всё сжималось от смеси обиды и чего-то ещё, чему он не мог подобрать названия. Он подходил медленно, глядя в сторону, и демонстративно не брал протянутую руку.

— Привет, — говорил Освальд тихо.

— Привет, — бурчал Оливер в ответ, засовывая руки поглубже в карманы.

Они шли к машине молча. Оливер садился на заднее сиденье, подальше от отца, и смотрел в окно на проплывающие мимо дома. Иногда, на светофорах, он ловил в зеркале заднего вида взгляд Освальда — короткий, осторожный, полный той же тоски, что и всегда. Но стоило их глазам встретиться, как Освальд отводил взгляд.

А на следующий день всё повторялось. Освальд снова ждал у школы. И в руке у него всегда был маленький сюрприз — шоколадка. «Милка» с орешками, которую Оливер однажды сказал, что любит. «Киндер», или просто плитка тёмного шоколада, потому что Освальд, кажется, не очень пони-

мал, что любят восьмилетние мальчики, но очень старался.

В первый раз, когда Освальд протянул ему шоколадку, Оливер фыркнул и отвернулся.

— Я не маленький, чтобы меня задабривать сладким.

— Это не задабривание, — спокойно ответил Освальд. — Просто... я подумал, ты проголодался после школы. Ешь, если хочешь.

Он не настаивал. Просто положил шоколадку на сиденье рядом с Оливером и завёл мотор.

Оливер смотрел на шоколадку минут пять. Потом, убедившись, что Освальд смотрит на дорогу, незаметно развернул фольгу и откусил кусочек. Шоколад таял во рту, и вместе с ним таяло что-то в груди. Маленькая льдинка, которая никак не хотела отпускать.

На следующий день он уже не ждал пять минут. Схватил шоколадку сразу, как только сел в машину, и принялся жевать, глядя в окно.

А через неделю случилось то, что Оливер сам от себя не ожидал. Они вышли из школы, Освальд, как обычно, протянул ему руку. И Оливер, занятый мыслями о контрольной по математике, машинально вложил в неё свою ладонь. Освальд замер на секунду, но ничего не сказал. Просто сжал маленькие пальцы в своей большой, тёплой ладони и повёл к машине.

Они прошли так до самой машины. Оливер опомнился

только когда почувствовал, как рука Освальда слегка покачивается в такт шагам. Он хотел отдёргнуться, но почему-то не смог. Было... удобно. Тепло. Спокойно.

С того дня это вошло в привычку. Они шли от школы до машины, держась за руки. Иногда Оливер просто вкладывал ладонь и шёл рядом, глядя под ноги. Иногда — начинал болтать рукой, раскачивая её вперёд-назад, как качели. А иногда, в особенно хорошие дни, когда солнце светило ярко и контрольная была написана на пятёрку, он вдруг подпрыгивал и повисал на руке Освальда, как на турнике, болтая ногами в воздухе. Освальд не возражал. Он только улыбался — той самой, настоящей улыбкой, которую Оливер видел так редко.

Шоколадки тоже никуда не делись. Теперь Оливер брал их сразу, без стеснения, и ел по дороге, сидя на заднем сиденье и слушая музыку.

Две недели прошли как один день. Оливер почти забыл про дневник. Почти забыл про жёлтые глаза и собаку в парке. Почти перестал вздрагивать, когда Освальд входил в комнату. Почти.

Но где-то в глубине души, в самом тёмном и дальнем углу, всё ещё жил вопрос. И этот вопрос ждал своего часа. Ждал, когда наступит день, который перевернёт всё снова. День, который Оливер запомнит на всю оставшуюся жизнь.

Оливер вышел из школьных ворот и остановился, щурясь от низкого октябрьского солнца. Освальда не было. Впервые

за две недели его чёрная машина не стояла на привычном месте, а сам он не ждал, прислонившись к капоту.

Оливер постоял минуту, потом другую. Посмотрел налево, направо. Пусто.

В кармане зажужжал телефон. Оливер достал его, прочитал сообщение:

«Олли, прости, срочный вызов в больницу. Пациент. Вернись поздно. Деньги на еду на столе. Ключи у тебя.»

Оливер смотрел на экран и чувствовал, как внутри поднимается странная смесь облегчения и... разочарования. Облегчения — потому что не надо было ни с кем разговаривать, ничего объяснять. Разочарования — потому что... потому что шоколадка. И рука. И тепло.

Он сунул телефон обратно и медленно побрел по тротуару. Ноги сами несли его в сторону дома, но на перекрестке, там, где дорога раздваивалась, он остановился.

Налево — дом. Тепло, уют, ужин в одиночестве и телевизор до ночи.

Направо — парк. А за парком — та самая улица. И магазин «Диковинка».

Оливер стоял долго. Мимо проехала машина, обдав его ветром. Где-то залаяла собака — обычная, скучная, дворовая. Он вспомнил Генри. Его добрую улыбку, спокойный голос, чай. И то, как этот голос изменился, когда Оливер выбежал из магазина. «Стой!» — рывкнул он тогда. Как чужой.

Но ведь он обещал помочь. Он знал про собаку. Он знал

всё.

Оливер глубоко вздохнул и повернул направо.

Оливер толкнул дверь, и колокольчик привычно звякнул. Он сам не знал, зачем пришел. Ноги принесли его сюда сами, пока мозг лихорадочно перебирал варианты. Последние две недели были слишком хорошими. Слишком спокойными. И от этого спокойствия внутри росла тревога — глухая, липкая, как тот туман, что окутывал парк по утрам.

Генри стоял за прилавком и протирал пыль с какой-то стеклянной безделушки. Увидев Оливера, он расплылся в той самой доброй улыбке, от которой у мальчика сейчас почему-то заныло под ложечкой.

— Оливер! — всплеснул он руками, откладывая тряпку. — Какая радость! А я уж думал, ты забыл ко мне дорогу. Проходи, проходи, я как раз чай заварил.

Оливер вошел, но держался у двери, готовый в любой момент сорваться и убежать.

— Я ненадолго, — буркнул он, косясь на прилавок. — Просто... спросить кое-что.

— Конечно-конечно, — Генри уже суетился с чашками, разливая по ним дымящийся мятный чай. — Присаживайся. Чай с мятой, ты ведь любишь? Помню, в прошлый раз ты пил с удовольствием.

Оливер поморщился. Он не любил мятный чай. В прошлый раз он просто пил, потому что было неловко отказываться. Но спорить не стал. Сел на табуретку, обхватил горя-

чую кружку ладонями и уставился в стену.

Генри сел напротив. Он не торопил, не давил. Просто пил чай маленькими глотками и ждал, поглядывая на мальчика поверх очков.

— Я... — начал Оливер и замолчал. Слова застревали в горле. — Вы говорили, что он... ну, что он оборотень.

— Говорил, — кивнул Генри, не меняя выражения лица. — И это правда.

— А доказательства? — Оливер поднял на него глаза, и в них горел вызов. — Вы тогда про собаку говорили. А она... она пропала. Ее нет. И он... он нормальный. Шоколадку покупает. За руку держит. Книжки читает.

Генри поставил чашку на стол и сложил руки домиком. Его лицо стало серьезным.

— Оливер, я понимаю твои сомнения. Ты маленький мальчик, который хочет верить в хорошее. Это нормально. Но правда есть правда. И если ты мне не веришь... проверь сам.

Оливер нахмурился.

— Как?

Генри наклонился ближе, понизив голос до заговорщического шепота.

— Полнолуние. Оно будет через два дня. С тридцать первого на первое ноября. В эту ночь он уйдет. Обязательно. Не сможет не уйти. Но...

Он сделал паузу, и в его глазах мелькнул опасный огонек.

— Ты можешь переставить дату на календаре. Всего на один день назад. Пусть думает, что сегодня двадцать девятое, а не тридцатое. Он же вечно путается в числах, вечно занят своей работой... Он поверит.

— Зачем? — не понял Оливер.

— Затем, что, когда он поймет, что перепутал, будет уже около девяти вечера. Солнце сядет. Луна взойдет. И он захочет уйти. Очень сильно захочет. А ты... — Генри посмотрел на Оливера с каким-то странным, почти болезненным выражением. — Ты не дай ему уйти. Держись из последних сил. Не отпускай его. И тогда ты увидишь правду. Своими глазами.

Оливер слушал, и внутри у него все холодело. План был безумным. Страшным. Но в нем была логика — та самая, холодная логика, которой так не хватало в последние недели. Если Освальд уйдет в ночь полнолуния — значит, Генри прав. Если останется... значит, можно будет спать спокойно.

— А если... — начал Оливер, но договорить не успел.

Генри вдруг странно дернулся. Его лицо побледнело, зрачки расширились, и он схватился за голову.

— Что-то мне... нехорошо... — пробормотал он, и глаза его стали стеклянными, как у пьяного. — В голове шумит... Оливер, ты... ты что-то добавил в чай?

— Я? — Оливер выпучил глаза. — Я ничего! Я же с вами

пил!

Но Генри уже не слушал. Он попытался встать, покачнувшись, задел локтем чашку, и та с грохотом разбилась об пол. А потом он просто... рухнул лицом прямо на прилавок, сметая подбородком какие-то бумаги и безделушки. Раздался глухой удар о стол — и повисла тишина.

Оливер замер, не в силах пошевелиться. Сердце колотилось где-то в горле. Он смотрел на неподвижное тело Генри, на его раскинутые руки, на очки, которые сползли набок и теперь криво торчали на щеке.

— Д-дядя Генри? — пискнул он, протягивая руку и тыкая пальцем в плечо мужчины. — Вы как? Дядя Генри?!

И в этот момент Генри резко вскинулся.

Он вскочил так стремительно, что табуретка отлетела к стене. И тут же, в полный рост, со всей дури ударился головой о ту самую лампу-торшер, что свисала над прилавком. Лампа жалобно звякнула и закачалась, по стенам заплясали безумные тени.

— Ай! Ч-черт! — завопил Генри, хватаясь за макушку. Он стоял, пошатываясь, и его глаза совершенно бессмысленно блуждали по комнате. От него разило перегаром, хотя Оливер был готов поклясться, что они пили только чай.

— Т-ты! — Генри ткнул пальцем в Оливера, едва не ткнув в глаз. — Ты... слушай сюда! Вот! — Он зашарил по карманам, вывернул один, потом другой, и наконец вытащил что-то маленькое и блестящее. — На! Держи! Это серебро! Коль-

цо! Если он... ну ты понял... если полезет... ты это... вот так!
— Он сделал нелепый жест, будто отбиваясь от невидимого врага, и тут же взвыл: — Ай! Горячо! Горячо же, черт!

Он отшвырнул кольцо, и оно покатилося по прилавку прямо к Оливеру. На пальцах Генри вздувались красные волдыри — там, где металл коснулся кожи.

— Оборотни... ненавидят серебро... — пробормотал Генри, глядя на свои руки с каким-то детским удивлением. — А я... я кошка... я не должен... но мята... мята... проклятая мята...

Он икнул, сделал шаг назад, споткнулся о собственную ногу и рухнул обратно на прилавок. На этот раз окончательно. Через секунду по магазину разнесся густой, раскатистый храп.

Оливер стоял, вцепившись в кружку с недопитым чаем, и смотрел на спящего Генри. Потом перевел взгляд на кольцо, поблескивающее на деревянной столешнице. Маленькое, серебряное, с каким-то затейливым узором. Оно лежало совсем близко, протяни руку.

Он протянул. Схватил. Зажал в кулаке так сильно, что кольцо впилось в ладонь.

— Сумасшедший, — выдохнул он, глядя на храпящего Генри. — Вы все сумасшедшие. И он, и вы. Все.

Он спрыгнул с табуретки, сунул кольцо в карман и выбежал из магазина. Колокольчик отчаянно заверещал ему вслед, заглушая ровный, густой храп, разносившийся по за-

ставленному хламом помещению.

Оливер бежал по темнеющим улицам, сжимая в кармане холодное серебряное кольцо, и в голове у него крутились обрывки безумного плана. Переставить календарь. Заставить его остаться. Держаться из последних сил. И увидеть правду.

Правду, которой он теперь боялся больше всего на свете.

Оливер бежал, не разбирая дороги, пока не выдохся. Он остановился у той самой скамейки, где когда-то ждал собаку, и сел, хватая ртом воздух. В кармане жгло кольцо. В голове был полный хаос.

Генри сказал переставить календарь. Генри сказал держать Освальда, если тот попытается уйти. Генри сказал, что мята... или не мята... или кошачья мята... он говорил какую-то ерунду, нес связный бред, а потом отключился. И обжегся о серебро. Обжегся по-настоящему.

Значит, он не оборотень? Или оборотень, но другой? Или просто дурак, который заварил не тот чай?

Оливер сжал голову руками. Мысли путались, налезали друг на друга. Хотелось домой. К Освальду. К шоколадке и теплой руке. Но что-то тянуло обратно, к магазину, к Генри, к разгадке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.